

Ирина Рейевна Такала

*Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН,
Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск*

ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВЕТСКОЙ КАРЕЛИИ 1920–1930-х гг.¹

Широк наш путь, открыты дали,
Страна цветущая растет,
Рукой испытанною Сталин
Народы братские ведет.

(О чем в веках мечтали.

Музыка А. Титова, слова А. Лугина, 1939 г.)

В статье на примере Карелии рассматриваются этнические (национальные) аспекты репрессивной политики государства в приграничье и доказывается, что национальная компонента, являясь важной составляющей государственной политики, не была определяющей при выборе средств управления обществом даже в этих конфликтных регионах. Постоянно разрастающееся в межвоенное двадцатилетие государственное насилие следует рассматривать шире, как продукт меняющихся у руководства страны под воздействием различных обстоятельств представлений об окружающем мире, месте в нем советского общества и новых техник государственной интервенции.

Ключевые слова: Карелия, большевики, национальная политика, финский фактор, массовые репрессии, этнизация террора.

Споры об особенностях, истинных целеполаганиях, успехах и провалах национальной политики большевиков ведутся давно. В работах последних десятилетий конкурируют, в частности, два мнения относительно конечных целей этой политики. Одни исследователи, рисуя детальную картину того, каким образом большевики вели национальное строительство и поощряли национальное сознание масс, считают, что попыток построить «советскую нацию» вообще не существовало [Slezkine 1994: 435;

---

¹ Исследование велось по Программе фундаментальных научных исследований РАН «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России», подпрограмма «Культурно-сложные общества: понимание и управление».

Suny 1995: 190; Brubaker 1996: 28; Брубейкер 2012: 109–110]². Поддерживая создание и развитие нерусских территориальных образований, элит, языков и культурных учреждений, принимая русские национальные институты и культуру, большевики вполне сознательно пытались создать «империю положительной деятельности» (по выражению Терри Мартина), т. е. централизованное, многонациональное социалистическое государство [Мартин 2011а: 425; Мартин 2011б: 103–107]. Другие авторы, призывая не уравнивать этническое с национальным, а многоэтническое с имперским, считают, что и в царском, и в советском государстве лидеры искали прежде всего не имперскую или этнонациональную, а гражданскую национальную основу для политической общности. По мнению Джошуа Сэнборна, нации обычно действуют на основе принципа скорее метафорического, чем реального родства, и поэтому вполне правомерно говорить о планах создания советской политической общности, что было аналогично другим проектам национального строительства, пусть даже в нем отсутствует сам термин «нация» [Sanborn 2000; Сэнборн 2011].

Крутой поворот в национальной политике в 1930-х гг. – трансформация статуса русских, переход к русской националистической пропаганде, с одной стороны, и учащающиеся практики террора, направленного против индивидов и целых народов исключительно на основании их национальной принадлежности, с другой, – породили к жизни тезис об этнизации сталинского террора. Национальные операции НКВД 1937–1938 гг., а также этнические чистки и депортации военного времени оцениваются как кульминационные результаты и главные доказательства эволюции сталинского режима от классовой парадигмы к парадигме этнической. По мнению Йорга Баберовски, большевики мечтали об «этнически гомогенном ландшафте» и проект этот невозможно было осуществить без масштабных этнических чисток [Баберовски 2007: 187]. При этом возможность политической ликвидации враждебных наций укоренилась в головах сталинских партийных руководителей задолго до того, как она реализовалась на практике в 1930-х гг. [Баберовски 2006: 183]. Тимоти Снайдер, обращаясь в своей нашумевшей книге «Кровавые земли» к репрессиям в СССР конца 1930-х гг., называет Сталина «пионером в области национальных массовых уничто-

---

² Впрочем, Рональд Суни признает, что в 1930-е гг. Сталин начал интегративный проект по достижению «транснациональной формы советской национальной идентичности», однако создание советской нации не было линейным процессом, национальная интеграция испытывала взлеты и падения, и в довоенные годы достижение хороших результатов такого грандиозного плана было невозможным [Суни 2014: 27–28].

жений». Описывая национальную составляющую репрессий на примере польской операции (об остальных линиях есть лишь краткие упоминания), он называет эту операцию «самой кровавой главой Большого террора» и характеризует как этническое убийство [Снайдер 2015: 127, 145, 428]. Норман Неймарк, доказывающий в своей книге, что «массовые сталинские убийства 1930-х годов следует классифицировать как геноцид» [Naimark 2010: 1], также считает, что во время Большого террора карательная политика кардинально меняет свое направление от социальных к национальным группам.

Однако многие исследователи, особенно те, кто знаком с региональными особенностями советской репрессивной политики, относятся к тезису об этнизации сталинизма достаточно сдержанно. На наш взгляд, вполне аргументированно звучат выводы тех авторов, которые пишут о необходимости учитывать многомерность, неоднозначность и местную специфику национальных операций [Кодин 2010; Савин 2012]. При их проведении многие факторы – этнические, социальные, политические, классовые – тесно переплетались, как и сами массовые операции.

И в целом этнические аспекты репрессивной государственной политики и ее региональные особенности исследованы еще недостаточно. В данной статье мы намерены показать на примере Карелии, что этническая компонента, являясь важной составляющей политики большевиков, не была определяющей при проведении массовых репрессивных акций и выборе методов управления обществом.

Карельская специфика

Работы, где специально и в комплексе рассматривалась бы специфика политических практик власти в национальных приграничных регионах северо-запада России, практически отсутствуют. Вместе с тем полиэтничность и близость к внешнему миру неизбежно вели к формированию специфических методов управления приграничьем, причем на разных участках границы выбор и варьирование этих методов находились в постоянной зависимости от множества факторов, не слишком важных для управления другими регионами и, тем не менее, корректирующих всю внутреннюю политику страны в целом. Деятельность власти в приграничье в большей степени увязывалась с интересами государственной безопасности и дифференцировалась в зависимости от конкретных политических условий и складывающихся отношений с сопредельными странами.

В свою очередь, население этих регионов, связанное с соседями многовековыми кроссграницными контактами, острее могло реагировать на мероприятия новой власти. Спонтанные реакции приграничного социума расценивались большевиками как государственная угроза и провоцировали дальнейшее насилие. Насилие это эволюционировало вместе с властью и обществом, а нараставшие между ними противоречия, усиливавшиеся в обществе фрустрационные процессы создавали ту критическую массу, при которой власти, чтобы удержаться, уже невозможно было отойти от репрессивных методов.

К концу 1920-х гг. политика насилия, носившая ранее в значительной мере реактивный характер, трансформируется в превентивные репрессии, постепенно становящиеся системообразующим фактором. Именно в приграничье эта превентивность террора просматривается наиболее отчетливо. Обусловливалась она стремлением государства превратить пограничные территории из контактных зон в зоны отчуждения, психологической напряженности и концентрации негативной социально-психологической энергии, которую можно использовать и как защитный, и как наступательный ресурс. Новая политическая концепция государственной границы с ее преимущественно барьерными функциями предполагала формирование «оппозиционной» модели политической и этнической идентичности жителей приграничья, что быстро можно было сделать, лишь запугав население или очистив стратегически важные зоны от недовольных и несогласных. Поэтому массовые зачистки приграничных периферий («прифронтовых» зон) стали основным методом решения многих вопросов уже на рубеже 1920–1930-х гг.

Одним из главных аргументов, оправдывающих усиление террора, стал тезис о «внешней угрозе», который из жупела контрреволюции периода Гражданской войны постепенно эволюционирует в «военные тревоги» конца 1920-х гг. и шпиономанию 1930-х. В конце 1920-х гг. основным противником СССР в будущей войне на западном направлении руководство страны считало Польшу, опирающуюся на финансовую и политическую поддержку Англии и Франции и выступающую в возможном союзе с Румынией, Эстонией и Латвией [Мелия 2004: 18–19]. В 1930-е гг. в число главных врагов включаются Германия и Япония. Отношения с Финляндией во второй половине 1920-х гг. оставались холодными и напряженными; однако считалось, что на советско-финляндской границе ситуация нормализовалась. С начала 1930-х к Финляндии вновь стали относиться как к безусловному противнику, чему способствовали перемены в ее внешней (сближение с Эстонией и Польшей) и внутренней

(лапуаское движение³, запрет деятельности компартии) политике. Это не могло не повлиять на усиление репрессивной политики в карельском приграничье.

Карелия, расположенная по обе стороны финляндско-российской границы, относится к многочисленным в Европе приграничным регионам, которые часто становились яблоком межгосударственного раздора. Специфика этого пространства российско-финляндского порубежья заключалась в том, что, с одной стороны, это была арена многовековой борьбы Швеции и России, а в XX в. – СССР и Финляндии, и линия культурного разлома, разделявшая западную и восточную цивилизации. С другой стороны, Карелия долгое время оставалась широкой контактной зоной, местом взаимопроникновения культур, чему в немалой степени способствовал длительный мирный период XIX в. Тесные контакты приграничного населения, связанного экономическими, родственными, языковыми и культурными нитями, продолжались вплоть до конца 1920-х гг.

Граница в ее многочисленных проявлениях и значениях всегда оставалась важным, если не ключевым элементом в конструировании региона и региональной идентичности. В случае с Финляндией отношения с восточным соседом неизменно выступали в роли конструирующего фактора ее европейскости и «финскости» [Anssi 1996: 155–163; Соломещ 2009: 34–36]. Для Восточной Карелии граница была фактором, повышавшим ее значимость как форпоста на границах российского государства (сначала как форпоста православия, а после 1917 г. как форпоста социалистического мира).

В межвоенное двадцатилетие XX в. советско-финляндская граница обретает новые смыслы, судьбоопределяющие для десятков тысяч жителей карельского порубежья. Наряду с барьерными функциями, связанными с охраной государственной безопасности, «карельский фронт» наделялся большевиками и другой задачей – использование трансграничных этнических связей для распространения своего влияния на соседние страны.

Отсюда вторая особенность Советской Карелии, которая заключалась в том, что автономия строилась усилиями красных финнов – небольшой группы политэмигрантов, покинувших Финляндию после поражения в гражданской войне 1918 г. Ее создание во многом обуславливалось военно-стратегическими и внешнеполитическими факторами: Карельская

---

³ Радикальное антикоммунистическое движение в Финляндии в 1929–1932 гг., получившее по месту своего возникновения (местечко Лапуа) название лапуаского. В марте 1932 г. после попытки вооруженного мятежа в Мянтселя было запрещено правительством (см.: [Oksanen 1994; Stubbergaard 1996]).

Трудовая Коммуна (АКССР с 1923 г.) должна была, по замыслам Москвы и красных финнов, стать некоей буферной зоной, проводником советского влияния на Финляндию и Скандинавию⁴. С 1920 по 1935 г. республику возглавлял бывший член финляндского парламента от СДПФ, доктор философии Эдвард Гюллинг. В 1920-е – начале 1930-х гг. финская диаспора Карелии быстро увеличивается за счет иммиграции из Финляндии (красные финны, перебежчики), а также Северной Америки, и к 1935 г. численность финнов в республике достигла 15 тыс. человек. Составляя лишь 3 % от всего населения края, финны занимали видные должности в советском, партийном, государственном аппарате, руководили крупными предприятиями, учреждениями, организациями, работали в области культуры, образования, науки (так называемый финский период истории Карелии, 1920–1935 гг.) (подробнее см.: [Такала 2009]).

Привлечение красных финнов для управления новым автономным образованием позволило центру решить проблему отсутствия в регионе проверенных большевистских кадров и национальной интеллигенции, а также активно использовать трансграничные этнические связи политэмигрантов для распространения своего влияния на Финляндию и сопредельные государства. Правда, границы автономии, как и ее действительные возможности, оказались отличными от первоначальных замыслов, предложенных финским руководством республики. Это вполне соответствовало советским реалиям, видоизменявшимся под воздействием конкурирующих императивов: поддержка нацистроительства – необходимость экономической модернизации и централизации – многоуровневый политический и внешнеполитический контекст. По мере трансформации сталинского режима трансграничное видение Карелии красными финнами перестало устраивать центр, все больше склонявшийся к централизации распоряжения ресурсами и изоляционизму [Барон 2011: 376].

Что касается карелов, давших имя автономному образованию, то они составляли в республике большинство (60 %) лишь первые два года существования Карельской Трудовой Коммуны. В результате преобразований 1922–1924 гг. (присоединение новых территорий, образование АКССР) к концу

---

⁴ См. письмо Гюллинга: [Всекарельский съезд 1990: 258]. «Принцип Пьемонта», предложенный Терри Мартином, здесь, однако, не работает, поскольку речь шла о территории с коренным русским и карельским населением. Последние к 1923 г. даже не составляли большинство, хотя и дали название автономии. Буферные этнические республики, создаваемые на границах советского государства в начале 1920-х гг., скорее были частью политики, вдохновленной идеей мировой революции. Возможность влияния на сопредельные государства интересовала большевиков лишь в той мере, в какой она способствовала дальнейшему всемирному продвижению социалистических идей (ср.: [Мартин 2011а: 20–21]).

1924 г. на территории республики проживало около 233 тыс. человек, из них примерно 54 % русских, 40,6 % карелов, 3,8 % вепсов, 0,5 % финнов⁵.

С середины 1920-х гг. национальное население, несмотря на усилия красных финнов (миграционная политика Гюллинга (см.: [Такала 2009: 122–126]), быстро размывалось пришлым населением, вербовавшимся в различных регионах России прежде всего для лесных работ. Если в 1920 г. родившиеся вне Карелии составляли 8,6 % всех ее жителей, в 1926 – 14,4 %, то в 1933 уже 32,8 %, т. е. около трети [Перепись 1935: 47; Покровская 1978: 47]. Численность карельского населения продолжала расти до конца 1930-х гг., однако в процентном отношении доля карелов неуклонно снижалась на фоне механического прироста населения: 1926 г. – 37,4 %, 1933 – 29,3 %, 1937 – 21,7 %.

Тем не менее в большинстве пограничных районов доля карельского населения в середине 1930-х гг. превышала 80 % (в Олонецком и Пряжинском – более 90 %). Пограничное положение основных районов расселения карелов делало их главными жертвами операций органов госбезопасности на протяжении всех 1920-х и первой половины 1930-х гг.

Карельское приграничье в 1920-е гг.

Гражданская война и установление советской власти в Карелии затянулись на четыре года.

Внешняя граница РСФСР была определена Тартуским миром с Финляндией (октябрь 1920 г.), однако окончательно утвердиться в приграничных районах большевики смогли после возвращения перешедших к Финляндии в 1918–1919 гг. Ребольской и Поросозерской волостей и подавления крестьянского восстания в Беломорской Карелии (январь – февраль 1922 г.)⁶. Это восстание, в котором приняло участие около 2,5 тыс. карелов (в основном из числа тех, кто ушел за границу после подписания Тартуского мира) [Осипов 2006: 193, 198], очень напугало большевиков. Жестокое подавление Карельского восстания привело к массовому бегству: только за короткий период в начале 1922 г. из Беломорской Карелии в Финляндию ушло свыше 11 200 человек [Nygard 1980: 72]. По данным республиканского ГПУ к августу того же года на территории Финляндии скопилось до 12–13 тыс. беженцев [НА РК 1: Оп. 1. Д. 80. Л. 79]. В целом количество беженцев, включая примерно 3 тыс. крестьян, ушедших за границу в 1919 г.

⁵ Подсчитано по: [АКССР 1925: 10, 27; Очерки 1964: 181].

⁶ О событиях Гражданской войны и интервенции в Карелии см.: [Карелия в период гражданской 1964; Churchill 1970; Vahtola 1988; Гусев 1996; Осипов 2006].

из Олонецкой Карелии, оценивалось органами безопасности в 15 тыс., что составляло около 11 % от общей численности населения КТК. Северные территории республики лишились свыше трети своего населения, из некоторых волостей за границу бежало до 80–90 % жителей [Килин 1999: 66]⁷.

Однако далеко не все решились покинуть родину навсегда, оставив дома родных и имущество. Возвращение людей началось уже с 1922 г. в соответствии с Соглашением между РСФСР и Финляндией об эвакуации на родину граждан обоих государств [СУ РСФСР 1922: № 50. Ст. 634]. До 1 мая 1923 г. из Финляндии вернулись 4299 человек [История Карелии 2001: 445]. Предусмотренная условиями Тартуского мира [СУ РСФСР 1921: № 71. Ст. 573] и объявленная декретом ВЦИК от 30 апреля 1923 г. амнистия карельским беженцам [СУ РСФСР 1923: № 39. Ст. 405; СУ РСФСР 1924: № 2. Ст. 20 (продление сроков амнистии)] ускорила этот процесс. Желаящим вернуться выдавались паспорта с въездными визами, 400 финских марок на дорогу, разрешалось брать с собой все имущество, включая лошадей и прочий домашний скот [НА РК 2: Оп. 1. Д. 2/26. Л. 22].

Власти были заинтересованы в скорейшем возвращении беженцев в обезлюдевшие районы, опасаясь к тому же, что длительное их нахождение в Финляндии будет использовано финляндскими властями для политической обработки восточных карелов. Летом 1922 г. начальник карельского ГПУ В. Домбровский докладывал в обком партии, что «фин-правительство, прекрасно учитывая свое положение, использует идущую из Финляндии в Карелию массу беженцев-карел, проводя ее частично через специальную обработку для подготовки будущих активистов, агитаторов, вообще лиц, могущих будировать массу» [НА РК 1: 79]. По данным чекистов, несколько сот человек обучались в финских военных школах, а карельскими активистами по всей Финляндии среди беженцев велась усиленная антисоветская агитация и шла вербовка их в охранную гвардию, контрразведку, военные организации [Неизвестная Карелия 1997: 27–29]. При этом органы безопасности достаточно трезво оценивали ситуацию. По данным Домбровского, из 15 тыс. беженцев 8 тыс. участвовало в восстании «сравнительно пассивно», около 5 тыс., «совершенно не сочувствующих бандитизму», было уведено за рубеж насильно и лишь «максимум 10–12 % общего числа» ушло в Финляндию по собственной инициативе, проявив себя как «активный элемент» [Килин 1999: 67].

Тем не менее именно так называемые «карбеженцы» или «каравантюристы» на долгое время становятся главным объектом внимания карель-

---

⁷ По данным П. Невалайнена, в 1917–1922 гг. в Финляндию ушли 16 500 восточных карелов [Невалайнен 2003: 36].

ского ОГПУ: миф о возможности повторения «карельской авантюры» стал чем-то вроде идефикс у органов безопасности в 1920–1930-е гг.

Возвращение людей продолжалось до 1926 г., когда постановление об амнистии окончательно утратило свою силу, а земли и имущество оставшихся в Финляндии (несмотря на протесты родственников) были пущены с торгов или переданы неимущим [НА РК 3: Оп. 5. Д. 29. Л. 89–90; Оп. 6. Д. 32. Л. 17]. В целом по разным оценкам домой вернулись от 6,7 до 8,2 тыс. человек, около 5 тыс. карелов остались в Финляндии [НА РК 1: Оп. 5. Д. 276. Л. 92; НА РК 4: Оп. 1. Д. 601. Л. 1; 10 лет Советской Карелии 1930: 10; Невалайнен 2003: 59]. Все беженцы проходили тщательную проверку и карантин [НА РК 2: Оп. 1. Д. 2/26. Л. 18, 22–23 и др.], часть из них уже тогда были признаны «активистами и полуактивистами» и подверглись арестам. В общей сложности в ходе и после восстания было арестовано 1165 человек по обвинениям в «бандитизме и шпионаже», из которых позже в амнистии было отказано 397 человекам как «активным повстанцам» [Осипов 2008: 50].

Списки возвращавшихся домой «карбеженцев» дополнили оперативные учеты органов безопасности. Примечательно, что беженцы, возвращавшиеся домой до амнистии, должны были подписывать документ, называвшийся «Торжественное обязательство», гарантируя не нарушать законов РСФСР и КТК. Была в документе и такая фраза: «Всякое возмездие со стороны органов Советской власти за нарушение данного мною торжественного обязательства я буду считать законной репрессией» [НА РК 4: Оп. 1. Д. 1/7; 2/17]. Власть заранее оговаривала свое право на последующие преследования беженцев.

Причисленные изначально к категории «нежелательные элементы», карельские беженцы стали первыми жертвами целенаправленных массовых акций 1920-х гг. по зачистке приграничных территорий. Например, крупные масштабы приобрела операция ГПУ 1925 г., когда только в Олонецком уезде по обвинению в шпионаже было репрессировано 95 человек. В двух волостях Петрозаводского уезда тогда же арестовали 85 крестьян, поводом для обвинения стали найденные у людей ржавые патроны и одна пулеметная лента, хранившиеся, очевидно, со времен Гражданской войны [НА РК 1: Оп. 1. Д. 675. Л. 13–14]⁸.

В 1927 г. все участники Гражданской войны в Карелии, воевавшие против советской власти (в том числе и амнистированные этой властью), были

---

⁸ Следует отметить, что в донесениях часто сообщалось, что арестованы местные жители, а «шпионы убежали» (см., напр.: Недельные информационные сводки ГПУ за 1924 г. [НА РК 4: Оп. 1. Д. 4/41]).

поставлены на оперативный учет с заведением дел-формуляров на каждого [Органы безопасности 2008: 72]. В 1928 г. ГПУ Карелии начало интенсивную переписку с руководством Полномочного Представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе, стремясь убедить его в росте антисоветских настроений, усилении активности финских спецслужб, направленной на подготовку новой авантюры, и реальности финского военного вторжения в приграничные районы республики. Во многом это были не обоснованные ничем домыслы замначальника карельского ГПУ Ф. Ульдрика и начальника контрразведки А. Озолина, за что они вскоре поплатились своими должностями. Тем не менее весной 1929 г. карельская контрразведка начала подготовку массовой операции по изоляции «каравантюристов» и их пособников [Там же: 80–82], начало которой пришлось отсрочить в связи с развернувшейся борьбой с кулачеством.

Образ чужого

Параллельно с устрашающими репрессивными акциями власти вели активные агитационно-пропагандистские кампании по формированию у карелов нового образа соседней Финляндии.

Задача «отвлечь внимание карела от Финляндии» [КК 1: 10 января] была поставлена сразу после окончания военных действий. В документах органов безопасности 1922 г. появляются директивы о необходимости усиления среди жителей приграничных территорий антифинской пропаганды. «Финская агитация, – писал в одном из таких документов В. Домбровский, – свила и свивает себе прочное гнездо на советской территории и надо противопоставить для пресечения ее работы внутреннюю контрфинагитацию партийных сил» [НА РК 1: Оп. 1. Д. 72. Л. 60]. Эту «контрфинагитацию» во многих местах вели красные финны, которых правительство Э. Гюллинга посылало устанавливать советскую власть в национальные карельские районы. Большинство из них были простыми рабочими с революционным энтузиазмом, минимальным образованием и полным непониманием особенностей местного крестьянского быта, что вызывало дополнительные проблемы при общении с населением. Политэмигранты с готовностью клеймили «финляндский белогвардейский режим», но эффективно бороться с голодом им не всегда было по силам, тем более что в некоторые отдаленные районы Карелии из-за отсутствия дорог хлеб можно было доставлять только через Финляндию [СЗ СССР 1924: № 14. Ст. 145; СЗ СССР 1925: № 66. Ст. 494].

Еще больше запутывало людей то, что в дискурсе пропагандистов и местной прессы с самого начала присутствовал двойной образ Финляндии и финнов. Наряду с образом белофинна, «протягивающего свои грабитель-

ские лапы к богатствам Олонецкой губернии и стремящегося превратить Карелию в колонию Финляндии» [ОК 1: 30 апреля, 2 мая, 3 мая; К 1: 29 ноября; ОК 2: 28 июня; КК 1: 3 января], в газетах возникает и образ «истерзанной обескровленной красной Финляндии», которой суждено возродиться и стать «братом и ближайшим союзником» революционных русских и карельских крестьян [ИОГС 1: 12 мая, 24 ноября; ОК 1: 24 июля; КК 1: 6 февраля]. В первые послереволюционные годы население пограничных районов, непосредственно задействованное в событиях Гражданской войны и сильно пострадавшее от военных действий, могло вполне сочувственно относиться к сообщениям о «финской опасности» и испытывать вражду по отношению к «белофинским бандитам». Если, конечно, газетные лозунги становились известными крестьянам – большинство населения Карелии газет тогда вовсе не читало. Однако чем ближе к границе, тем сложнее было убедить население в том, что их главным врагом являются соседи-финны. Реагируя на то, что происходит вокруг, люди скорее были склонны винить в наступившей разрухе новую власть, принесшую голод и безработицу.

Как следствие, происходит своеобразное наложение образов: население экстраполирует предлагаемый властями образ белофинна-завоевателя на местных руководителей – красных финнов. Вот, например, как суммирована эта противоречивая ситуация, складывавшаяся в Карелии, в спецполитсводке ОГПУ за 23 февраля 1923 г.: «Настроение крестьян в общем неудовлетворительно. Отношение их к Советской власти и РКП большей частью безразлично, местами даже враждебно, вследствие различных налогообложений, крайне подрывающих экономическое положение крестьян и в первую очередь бедноты. Отношение крестьян к бандитизму отрицательно, так как большая часть крестьян еще не может оправиться от прошлогоднего нашествия финнов <...>. Сельсоветы и волисполкомы работают слабо и почти не справляются с задачами, возложенными на них <...>. Авторитетом волревкомы среди населения никаким не пользуются, так как в них большей частью работают финны» [СС 1: 692]. В документах Карельского ГПУ 1920-х гг. можно встретить много примеров противостояния между местным населением и политэмигрантами. Сводки пестрели высказываниями типа: «У нас сидят пришельцы – финны, от них все беды», «Почему все финны занимают должности, а карелы нет», «Финны живут как в раю – все начальники и господа. Погибла Карелия» (см.: [НА РК 1: Оп. 2. Д. 365. Л. 39, 41; НА РК 5: Оп. 1. Д. 39, 99–102; НА РК 4: Оп. 1. Д. 28/325. Л. 47]).

Резкое противостояние между финским руководством районов и местным населением вызывала и так называемая политика «карелизации». С середины 1920-х гг. в республике начинается активное расширение

функций и сферы влияния финского языка, что было связано с политикой «коренизации», проводившейся по всем национальным образованиям Советского Союза. В Карелии политика «коренизации» называлась «карелизацией», но подразумевала введение финского языка (прежде всего в сфере народного образования) и выдвижение на руководящие посты как карелов, так и финнов. В русле концепции о едином «карело-финском языке», в соответствии с которой карельским диалектам отводилась функция устного применения, а литературный финский язык должен был стать письменной формой выражения карельской речи, большинство школ национальных районов КАССР с середины 1920-х гг. переводилось на финский язык. К 1929/30 учебному году лишь половина всех школ республики работала на русском языке, в шести национальных пограничных районах не было ни одной русскоязычной школы [Такала 2010: 18–19].

Карельское население пыталось сопротивляться коренизации, все больше принимавшей форму финнизации [НА РК 4: Оп. 1. Д. 15/145. Л. 79, 118; НА РК 3: Оп. 5. Д. 29. Л. 12], однако центр, заинтересованный в проведении этой политики из стратегических соображений, поддерживал красных финнов в их языковом, образовательном и культурном строительстве вплоть до начала 1930-х гг. (подробнее: [Такала 2015: 294–305]. У органов безопасности была другая задача – отслеживать настроения населения. В Обзоре политического состояния СССР за май 1928 г. карельская ситуация характеризовалась следующим образом: «Среди карельского населения в довольно широких размерах отмечаются антагонистические настроения к финнам, что вызвано, с одной стороны, введением изучения в школах финского языка, а с другой – наличием в центральном советском аппарате АКССР работников-финнов. Это же вызывает разговоры о возможности присоединения Карелии к Финляндии: „У нас во главе правительства находятся финны, в школах преподают финский язык, и как бы нас не присоединили к Финляндии“. Кулацко-зажиточные слои карельского населения пытаются обострить эти настроения, агитируя: „Пока у нас у власти будут финны, нам будет плохо жить, так как они издают неправильные законы“, и в ряде случаев заявляют: „Нам нужно создать свою организацию и выгнать всех финнов из правительства“» [СС 6: 279].

На самом деле в низовых документах органов безопасности подобного рода высказываний не так много. Республиканское правительство людей, особенно живущих в глубинке, интересовало слабо. Более того, так называемая «пограничная политика» Гюллинга, нацеленная на экономический подъем приграничных национальных районов, постепенно приносила свои плоды, увеличивая здесь авторитет власти [Левкоев 1996; Такала 2015: 288–

294]. Недовольство населения было обращено, прежде всего, на местное руководство, которое всегда на виду. Людей не устраивали порядки на местах, однако обобщения иногда выглядели очень опасно с точки зрения государственной безопасности. Некоторые возвращавшиеся домой «карбеженцы», например, говорили о том, что в Финляндии к ним относились очень хорошо, в то время как здесь «всем руководят финны, жизни от них нет», и призывали: «Прочь красных подлецов из Карелии» [НА РК 4: Оп. 1. Д. 5/52. Л. 78]. Подобного рода недовольство высказывалось и рабочими на предприятиях, которыми руководили финны: отмечалась дискриминация русских по сравнению с карелами и финнами в оплате труда, а также замкнутость финнов, их желание отдалиться, «держаться своей национальной группой». На Кондопожской бумфабрике рабочие говорили: «В Карелии есть два класса, господствующий финны и угнетенный русские и карелы, это надо изжить пока не поздно» [НА РК 4: Оп. 1. Д. 8/81. Л. 11; Д. 15/145. Л. 87, 91–92; НА РК 1: Оп. 2. Д. 365. Л. 16, 62].

Вполне очевидно, что противоречия между красными финнами и местными жителями, по сути, являлись конфликтом населения с советской властью. Точно такой же антагонизм наблюдался в местах, где у руководства стояли сами же карелы, русские или, скажем, евреи⁹.

В целом к концу 1920-х гг. в республике складывался весьма противоречивый образ Финляндии и финнов. Буржуазная Финляндия и ее революционный пролетариат, «страдавший под игом белого террора», были где-то очень далеко, а красные финны находились рядом, и именно они порой воспринимались населением как «господа», мечтающие лишить карелов их родины, а то и просто как «пятая колонна»: «Теперь при советской власти есть много финнов – советских служащих и, если будет война, то они изменят, как изменили в былое время при Николае немцы» [НА РК 1: Оп. 2. Д. 365. Л. 39об.]. И этот образ «чужого» в 1920-е гг. порой затмевал образ внешнего врага, навязываемый властями. Тем более что влияние Финляндии на приграничное население оставалось достаточно сильным, а воспоминания о прежней жизни на фоне тяжелого настоящего провоцировали такие высказывания: «Присоединили бы нас к Финляндии и было бы жить лучше. Если бы финны в 1920 г. не отдали Карелии, то мы жили бы баронами» [СС 6: 279]. Население погранрайонов в конце 1920-х слушало почти исключительно финляндское радио,

⁹ Жители карельских волостей Кемского уезда, например, говорили: «В Карелии одна революция была, но придется сделать вторую, т. к. к нам нагнали много русских совработников». Рабочие Медвежьегорского лесозавода заявляли о «еврейском засилии», поскольку «руководящие должности заполнены преимущественно евреями» [НА РК 6: Оп. 1. Д. 365. Л. 65; НА РК 4: Оп. 1. Д. 8/81. Л. 26, 68].

что, как с тревогой отмечалось в партийных документах, не могло не отразиться «на политически малоразвитых слушателях» [НА РК 1: Оп. 2. Д. 117. Л. 67].

Перемены, происходившие в стране на рубеже 1920–1930-х гг., вели лишь к дальнейшему нагнетанию социального напряжения в обществе. Принятие первого пятилетнего плана, курс на индустриализацию и коллективизацию привели к ликвидации экономической автономии республики и свертыванию «пограничной политики» Гюллинга. Карелия все больше превращалась в поставщика сырья для советской промышленности, экономическая ситуация вновь резко ухудшилась.

Архивные данные свидетельствуют о неугасающих и периодически волнообразно нараставших антисоветских настроениях в Карелии, особенно в пограничных районах, находившихся в наиболее бедственном экономическом положении. Несмотря на расширяющиеся репрессии и усиленную пропаганду, политический климат в республике был далек от того, что хотели бы видеть власти. В большинстве случаев это нельзя назвать открытой оппозицией, просто люди продолжали оценивать события самостоятельно и высказывать собственное мнение, хотя все меньше публично. Зачастую пропагандистские кампании неожиданно для их организаторов сами провоцировали нежелательные разговоры и настроения, как это было, например, с «военными тревогами»¹⁰.

Все это время разобщенное и атомизированное карельское общество, сугубо крестьянское и аполитичное в основной своей массе, жило в состоянии постоянной политической, социальной, национальной конфронтации между населением и властью, карелами и финнами, партийными и беспартийными, зажиточными крестьянами и деревенской беднотой, местными рабочими, мигрантами из других регионов России и трудовой эмиграцией из-за рубежа и т. д. Шла непрекращающаяся борьба внутри республиканского руководства по вопросам экономического развития края и политики коренизации, с конца 1920-х гг. постепенно нарастало противостояние между финским руководством республики и центром.

---

¹⁰ В пограничной полосе, хотя и не только там, реакция на военную угрозу часто принимала открыто антисоветский характер: «Скоро будет война и тогда начнем бить коммунистов и комсомольцев и резать тех, кто стоит за советскую власть» [Советская деревня 2000: 19]. В Карелии в 1927 г. тоже был отмечен всплеск пораженческих настроений и слухов о скорой войне, причем ожидание очередной войны пугало людей само по себе, предполагаемый противник был не важен: «через месяц будет наступление со стороны Финляндии», «в районе с. Реболы идут разговоры, якобы будет война с Китаем», «вот скоро вспыхнет война, народ воевать не пойдет, и тогда увидим, что будет с коммунистами» [НА РК 3: Оп. 6. Д. 5. Л. 18–20, 46–171; НА РК 1: Оп. 1. Д. 675. Л. 1–14; Оп. 2. Д. 178. Л. 59–72].

Геополитическое положение автономии и специфика отношений СССР с соседней Финляндией стабильности не прибавляли.

В этих условиях вектор государственного управления приграничьем все больше смещается в сторону прямых репрессивных действий.

Репрессии первой половины 1930-х гг.

Начавшаяся в стране коллективизация положила конец «пограничной политике» Гюллинга – раскулачивание в пограничных районах «ввиду их близости с Финляндией» проводилась независимо от процента коллективизации. Впервые о «кулацкой опасности» в республике заговорили в 1928 г. Карельская специфика коллективизации и раскулачивания заключалась в том, что земледелие здесь носило натурально-потребительский характер и играло подсобную роль в народном хозяйстве. Колхозы явились удобной формой мобилизации рабочей силы на лесозаготовки. Большинство трудоспособных мужчин и рабочего скота были заняты в лесу и на сплаве, а в сельском хозяйстве главной рабочей силой стали женщины [Никитина 1997: 116]. Вынужденные выполнять установки центра, карельские власти на первых порах все же сумели несколько смягчить методы проведения коллективизации. В 1930 г. ее уровень в республике был 15%, т. е. в 4 раза ниже, чем средний по СССР, и одним из самых низких среди национальных районов [Там же: 117]. Лишь после нажима центра и усиления репрессий Карелия стала «догонять» другие регионы.

Отнесение приграничья к районам сплошной коллективизации означало самый жесткий вариант развития событий. Удельный вес кулацких хозяйств в республике в среднем не превышал 1,7% от всех хозяйств, а в районах, намеченных к сплошной коллективизации, – 1,3% [Из истории раскулачивания 1991: 51]. Признаки кулацких хозяйств определялись центральными и республиканскими постановлениями, причем карельские власти даже расширили их перечень, чтобы суметь выполнить установки центра [НА РК 1: Оп. 2. Д. 607. Л. 101–102]. Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» количество хозяйств, ликвидируемых по трем категориям, определялось в 3–5% всех крестьянских дворов, по Карелии – в 2–3% [Из истории раскулачивания 1991: 3–4], это означало, что раскулачиванию подлежала и часть середняцких хозяйств, а не только кулацких. Проведение сплошной коллективизации в республике по планам Москвы должно было завершиться к весне 1931 г. [ТСД 2: 46].

Выполняя решения центра, Карельский обком ВКП(б) в феврале 1930 г. принял свое постановление о мероприятиях по ликвидации кулачества как класса. ОГПУ было предложено «немедленно приступить к изъятию наиболее активных контрреволюционных элементов», препятствующих коллективизации и выполнению плана лесозаготовок [НА РК 1: Оп. 2. Д. 423. Л. 34]. Уже к маю органами безопасности была «ликвидирована 31 антисоветская контрреволюционная группировка» и арестовано 119 человек [НА РК 1: Оп. 2. Д. 494. Л. 1–3]. Как следствие – если в январе – феврале 1930 г. коллективизация не превышала 3 %, в апреле уже почти 15 % хозяйств вступили в колхозы [ТСД 2: 365].

Решающими факторами для нежелающих вступать в колхозы крестьян стали массовая операция «по изъятию кулацкого и антисоветского элемента из деревни», проведенная органами ОГПУ в феврале – марте 1931 г. (арестовано не менее 90 человек) [НА РК 1: Оп. 2. Д. 593. Л. 5], и сентябрьская акция по раскулачиванию и выселению кулацких хозяйств из пограничных районов [НА РК 1: Оп. 2. Д. 525. Л. 70–71]. Всего в 1931 г. из 12 районов республики было выселено 243 семьи (1045 человек) [История Карелии 2001: 552]. Семьи арестованных выселяли вместе с другими раскулаченными, основным местом для переселения стал Пудожский район (спецпоселки каменных разработок на острове Гольцы и в Кашиной Горе) [Из истории раскулачивания 1991: 44, 76–77]. Методы возымели свое действие: коллективизация резко возросла, причем в районах, где продолжали проводиться карательные акции, она была в 2–3 раза выше, чем в среднем по республике.

В результате всех этих мер численность населения приграничных территорий значительно сократилась, без рабочих рук остались многие колхозы национальных карельских районов. Обезлюдевшие земли власти пытались заселить более «благонадежным контингентом»: взамен разрушенных в погранзоне начинают строить так называемые красноармейские колхозы, куда на работу направлялись демобилизованные из армии солдаты. По замыслам властей они должны были превратиться в мощные передовые хозяйства, стать фактором укрепления погранполосы и «опорными точками», имеющими большое политическое значение [НА РК 1: Оп. 65. Д. 6. Л. 12–21]¹¹. Постановление СНК РСФСР «Об организации красноармейских колхозов» было принято в мае 1931 г., создавались они в Ленинградской и Западной областях, Карелии и Дальневосточном

---

¹¹ То же самое происходило и в других приграничных регионах, но мы бы не стали связывать эту акцию с этническими чистками. Стать «символом советской ксенофобии» [Мартин 2011а: 442] красноармейским колхозам было не суждено.

крае. Средства, необходимые для строительства колхозов нового типа, лишь на 7–10% покрывались из бюджета (причем за счет ассигнований на погранполосу, сельское хозяйство и образование), остальные местным властям предписывалось изыскивать при помощи кредитования и средств населения [ТСД 3: 123–124]. К 1935 г. в Карелии их было уже 10 в пяти пограничных районах. Они владели жалкое существование из-за нехватки средств и постоянной текучки – люди из них разбегались, не получив обещанного жилья и причитающихся за переселение денег. Надзирающие органы с тревогой отмечали, что никакого политического и экономического эффекта от этих колхозов нет, скорее наоборот – происходит дискредитация самой политической идеи их создания [НА РК 1: Оп. 3. Д. 314. Л. 20–24].

«Борьба с кулачеством» множила практический опыт органов безопасности по осуществлению крупных «оперативных» мероприятий и приносила нужные плоды. К лету 1934 г. в Карелии было коллективизировано 65,5% хозяйств, а в 1935 г. – уже 83,6% вместо 80%, предписанных Госпланом СССР [ТСД 4: 300; История Карелии 2001: 554].

За происходившим в погранрайонах внимательно следили в Финляндии, хотя финские власти и многочисленные прокарельские организации не всегда адекватно оценивали ситуацию, а некоторые действия последних лишь усугубляли положение соплеменников в Восточной Карелии. Например, активность, проявленная в начале 1930-х ЦК Племенных организаций (образован в 1928 г.), его донесения и обращения за финансовой помощью к финляндскому правительству [УМА 1] внимательно отслеживались карельскими чекистами [НА РК 1: Оп. 2. Д. 365. Л. 38–42] и стали поводом для дальнейших массовых «зачисток» погранполосы.

Акции, начатые в 1920-х гг. по очистке приграничья от «неблагонадежных элементов», в начале 1930-х были продолжены широкомасштабной операцией, проведенной ОГПУ в регионах, непосредственно соприкасающихся с территориями Финляндии, Эстонии, Латвии, Польши, Румынии, Турции и Ирана. Операция по очистке погранполосы весны 1933 г. была первой крупномасштабной акцией органов безопасности в европейской части СССР, которая продемонстрировала, что борьба со шпионажем является удобным предлогом для массовых политических репрессий. Управлениями ГПУ Украины, Белоруссии, Западной области, Закавказья и Ленинградского военного округа было репрессировано свыше 19 тыс. человек, около пяти тысяч из них были объявлены резидентами иностранных разведок, остальные – участниками диверсионно-повстанческих организаций и групп [Органы безопасности 2008: 84–85].

В финляндском приграничье операция носила название «Дело о Заговоре финского Генерального штаба». Кропотливая работа по созданию дела проводилось ГПУ Ленинградского военного округа с октября 1932 по май 1933 г. Главными его исполнителями были начальник карельского ГПУ Николай (Карл) Шершевский, заместитель полномочного представителя ОГПУ в ЛВО Иван Запорожец, замначальника особого отдела ЛВО Дионис Янишевский¹². Громкое название «Заговор финского генштаба» следователи обосновывали утверждением, что непосредственное руководство всей контрреволюционной разведывательной работой против СССР в этом регионе осуществлялось Вторым отделом Фингенштаба, возглавляемым Эриком Малмбергом¹³, а также центрами «финно-карельской белогвардейской эмиграции» – Карельским Академическим обществом, Восточно-карельским комитетом, Ингерманландским союзом и ЦК Племенных организаций.

Согласно материалам дела, «разветвленной сетью финской агентуры» были охвачены 15 районов Карелии и 8 ингерманландских районов Ленинградской области. В своей предварительной справке по делу в апреле 1933 г. Запорожец рисовал страшную картину, сложившуюся в Карелии к тому времени:

«1. В Ухтинском районе: В декабре 1932 и в январе 1933 г. население примешивало в хлеб древесную кору.

2. В Медвежьегорском районе: В феврале текущего года значительное количество женщин вступило на путь массовой проституции в погоне за хлебом, получаемым от заключенных Белбалтлага.

3. В Кемском районе: В марте т. г. зафиксированы на почве голода случаи тяжелых опуханий.

4. В Пряжинском районе: В январе 1933 г. значительная часть населения употребляла почти исключительно древесную кору с незначительным количеством примеси хлеба».

По выводам Запорожца массовый голод в Карелии был не следствием политики властей, а «результатом контрреволюционной деятельности повстанческих и вредительских элементов» [АУФСБ РК 1: 166–167].

Судя по числу репрессированных, операция, проведенная ГПУ Ленинградского военного округа и АКССР, оказалась одной из самых масштабных в стране, ее итоги докладывались Сталину [Чухин 1999: 24]. Всего по «делу о Заговоре ФГШ» было арестовано 2982 человека, более половины

¹² Запорожец, кстати, за эту операцию по представлению карельского правительства был награжден орденом «Красного знамени» [НА РК 1: Оп. 3. Д. 10. Л. 84].

¹³ Подполковник Эрик Малмберг в 1921–1925 и 1927–1934 гг. был начальником отдела статистики генштаба, в котором была полностью сосредоточена военная разведывательная деятельность против СССР [Elfvengren, Laidinen 2012: 354].

из них – 1641 человек – были причислены к диверсионным и повстанческим организациям и шпионским резидентурам финского генштаба, еще 427 человек оказались шпионами эстонского генштаба [Органы безопасности 2008: 84]. Судя по обвинительным заключениям, такие факторы, как «сосредоточие» карелов в пограничных районах, «засоренность» этих районов «бывшими каравантюристами», систематическое отставание в выполнении различных народнохозяйственных планов, являлись для ОГПУ неоспоримым доказательством наличия здесь контрреволюционных организаций.

Социальный и национальный состав репрессированных со всей очевидностью свидетельствовал о том, что основным назначением операции была расправа над недовольными политикой коллективизации и последствиями форсированной индустриализации, а также запугивание остальных. Абсолютное большинство арестованных составили карельские и ингерманландские крестьяне, половина проходивших по делу в Карелии оказались «бывшими каравантюристами». Существенно был почищен и низовой руководящий аппарат – председатели и члены сельсоветов, РИКов, колхозных правлений [АУФСБ РК 1: 163–165]. Проведенная Военным трибуналом Северного военного округа в 1956–1962 гг. проверка доказала, что «дело» было полностью сфальсифицировано органами безопасности (подробнее см.: Репухова 1996; Такала 1998: 176–179).

Параллельно (и «форсировано», по заявлению Запорожца) велось следствие по группе командиров Отдельной Карельской Егерской бригады, обвиненных в шпионаже. Были репрессированы десятки офицеров, в основном из числа красных финнов, названных в деле «финскими боевиками». Многие из них по постановлению коллегии ОГПУ от 22 сентября 1933 г. были расстреляны как финские шпионы [Такала 1994: 124].

Летом 1933 г. в трех отделениях Белбалтлага органами ОГПУ были раскрыты и несколько «контрреволюционных повстанческих организаций заключенных», планировавших «отторжение территории АКССР к Финляндии вместе с Беломорско-Балтийским водным путем» [Чухин 1990: 193–200].

Некоторые современные исследователи при оценке «Дела о Заговоре финского Генерального штаба» подчеркивают, что создание и обкатка методики конструирования дел о шпионских заговорах базировались на использовании реальных эпизодов. В подтверждение приводят, как правило, «предательство» Армаса Утриайнена, арестованного и расстрелянного по делу финского генштаба [Былинин, Зданович, Коротаев, Седунов, Тотров 2008: 73; Белоусов 2014а; Белоусов 2016: 236].

Конечно, финские спецслужбы – военная разведка и Центральная сыскная полиция (контрразведка) – вели работу на территории Карелии.

Активно действовали и расположенные вдоль границы нелегальные резидентуры, в 15 приграничных городах находились разведпункты финской военной разведки, в частности, в Выборге, Сортавале, Каяни (см.: [Turvallisuuspoliisi 75 vuotta 1994; Kosonen 2001; Лайдинен, Веригин 2004; Elfvengren, Laidinen 2012]). Финляндские спецслужбы тесно сотрудничали со спецслужбами Швеции, Германии, Англии, Латвии, Эстонии, Польши. По данным некоторых исследователей, всего с 1918 по 1939 г. по заданию финских спецслужб в СССР было направлено 326 человек, многие из них годами ходили через границу [Лайдинен, Веригин 2004: 175]¹⁴. В Советскую Карелию за тот же период было отправлено 135 агентов, на 80 % состоявших из карбеженцев. Пик их деятельности пришелся на 1921–1927 гг., а затем интенсивность забросок резко снижается [Elfvengren, Laidinen 2012: 306–307]¹⁵.

Разведывательная деятельность финнов не шла ни в какое сравнение с активной работой советской разведки на территории Финляндии, которая велась, в частности, и при помощи финских коммунистов-подпольщиков. В 1933 г., например, Центральная сыскная полиция задержала около трех тысяч человек, подозреваемых в шпионаже, из которых 516 были судами признаны виновными в государственной измене [Rislahti 1986: 166].

Представляется, что массовые операции ОГПУ 1933–1935 гг. на западных границах, помимо основной цели – зачистка приграничья, были обусловлены и серией громких провалов центральных резидентур IV Управления ГРУ в 1932–1933 гг. в целом ряде европейских стран (Австрия, Латвия, Германия, Финляндия, Франция). Наиболее крупным считается провал в Финляндии, где в октябре 1933 г. финская полиция арестовала в Хельсинки нелегального резидента IV Управления ГРУ Марию Шуль-Тылтэнь, трех ее помощников, а также значительную часть советской агентурной сети (26 человек).

Практически во всех исследованиях, упоминающих об этом провале, вина за него до сих пор возлагается на предательство начальника пункта разведывательных переправ 4-го отдела штаба ЛВО Армаса Утриайнена (см.: [Колпакиди, Прохоров 2000: 73; Лурье, Кочик 2003: 477; Прудникова, Горчаков, Попов, Цветков, Папоров 2005: 324; Болтунов 2011: 25]). Это наследие, доставшееся нам от «творчества» следователей ОГПУ начала 1930-х гг. Утриайнен работал в штабе ЛВО до мая 1932 г., затем он был

---

¹⁴ Знаменитым пограничным шпионом, например, был Пекка Паукку. До своего первого задержания советскими пограничниками в 1926 г. он более 30 раз переходил финско-советскую границу (см.: [Иванович 1928]).

¹⁵ Авторы отмечают, что их данные являются приблизительными.

завотделом кадров Стройтреста КАССР и никакого отношения к границе не имел. Резидентура Марии Шуль-Тылтынь в Финляндии состояла из трех независимых друг от друга групп – две в Хельсинки и одна в Выборге (в целом около 50 человек) – и вела свою деятельность всего семь месяцев, с марта 1933 г. Утриайнен был арестован в Петрозаводске 25 марта 1933 г. и 22 сентября приговорен к расстрелу. На допросах он признался, что до ареста был секретным сотрудником финской охраны и разведки. Однако истинной причиной провала стало нарушение всех мыслимых правил конспирации [Колпакиди, Прохоров 2000: 73; Горбунов 2007; Тумшис, Папчинский 2009: 267–268]. «Признание» Утриайнена, по всей вероятности, должно было скрыть эти очень неприятные для чекистов факты и стать тем «реальным эпизодом», которым можно оправдать масштабы репрессий. Сведения о реабилитации Армаса Утриайнена появились лишь совсем недавно [Лайдинен, Веригин 2004: 273].

Таким образом, в условиях социально-экономического и политического кризиса начала 1930-х гг. власти потребовались уже достаточно широкие устрашающие акции, которым в приграничных регионах вполне уместно было придать шпионскую окраску. В значительной степени также можно охарактеризовать и мероприятия середины 1930-х гг. по очистке 22-километровой погранполосы КАССР «от кулацкого и антисоветского элемента» и последовавшую затем паспортизацию жителей 50-километровой погранзоны [НА РК 1: Оп. 65. Д. 6. Л. 3–7, 11]¹⁶.

Целенаправленная зачистка западных границ началась еще в 1930 г. депортацией «социально-опасного элемента» из 22-километровой приграничной полосы УССР и БССР в Западную Сибирь и на Дальний Восток. Высылки населения из погранрайонов Украины, Ленинградской области и Карелии были продолжены весной 1935 г. в гораздо более серьезных масштабах. Поскольку во многих из этих районов население было смешанным, с большой долей национальных меньшинств (немцы, поляки, финны-ингерманландцы), многие исследователи относят эти депортации к первым этническим чисткам (см. [Полян 2001: 86–88; Земсков 2005: 78; Сталинские депортации 2005: 789–791; Мартин 2011а: 447–449, 451–453]). Отметим, однако, что в официальных документах национальный состав репрессируемых никак не определялся, критерии для выселения были другими.

Согласно распоряжению Генриха Ягоды, переданному по телефону начальнику УНКВД Ленинградской обл. Леониду Заковскому 23 марта 1935 г., первая очередь операции по очистке 22-километровой погран-

---

¹⁶ Пограничная полоса шириной в 50 км для Карелии была установлена Постановлением СНК СССР от 19.03.1935 и закреплена приказом НКВД № 105 от 4.05.1935.

полосы Ленинградской обл. и Карелии должна была быть проведена с 1 по 25 апреля. Выселению подлежали лица, связанные «с закордоном», родственники бежавших за кордон, родственники репрессированных за шпионаж, повстанческую и диверсионную деятельность, лица, замеченные в хищении соцсобственности, вычищенные из колхозов, ранее репрессировавшиеся, ведущие антисоветскую агитацию и распространяющие провокационные слухи, деклассированный и бродяжнический элемент, бежавшие из ссылки кулаки – всего 3547 семей. Всех глав и заменяющих их трудоспособных членов семей выселяемых надлежало арестовать за 5–7 дней до начала операции [ТСД 4: 417–418, 934 (прим. 120)].

Следует отметить, что понятие 22-километровой зоны для Карелии было достаточно условным. Еще с конца 1920-х гг. статус пограничной полосы имели полностью территории семи приграничных районов республики [НА РК 7: Оп. 1. Д. 129. Л. 18], из которых и осуществлялись массовые высылки. Точные цифры до сих пор не известны, но очевидно, что жертвами этих операций стали несколько тысяч человек. Только за два дня, 24–25 апреля 1935 г., с полосы действия 1-го (Ухтинского) и 3-го (Петрозаводского) погранотрядов было выселено 275 семей общей численностью 1433 человека¹⁷. Основным населением этих районов были карелы и русские. Специальными эшелонами людей отправляли в Западную Сибирь и Казахстан, разрешив взять с собой лишь самое необходимое и двухмесячный запас продовольствия.

К июню 1935 г. из Ленинградской обл. и Карельской АССР было выселено 5059 семей – 23 217 человек [ТСД 4: 934 (прим. 120); Земсков 2005: 78].

Таким образом, специфика карельского приграничья заключалась в превалировании финского шпионского дискурса в репрессивной политике советской власти, а также в размахе «антишпионских» акций органов безопасности, практиковавшихся задолго до Большого террора и направленных в первую очередь на местное карельское население. Дело о «Заговоре финского генштаба» по числу репрессированных оказалось на втором месте в СССР после дела Наркомата земледелия (6 тыс. человек). Кроме этой операции и массовых высылок, с 1929 по 1936 г. 3-й отдел ГПУ/НКВД АКССР (борьба со шпионажем) произвел 1719 арестов, 75 % всех репрессированных, т. е. около 1290 человек, составляли финперебежчики [АУФСБ РК 2: Оп. 1. П. 42. Л. 171–174].

Присутствие в республике пусть и небольшой, но очень влиятельной финской ирреденты не могло остаться без внимания органов безопаснос-

¹⁷ Подсчитано по: [Чухин 1999: 27].

ти. По мере роста финского населения Карелии интерес к иммигрантам, большинство из которых, цитируя сводки ГПУ, являлись «элементом неблагонадежным», нуждавшимся в постоянной «разработке» [НА РК 4: Оп. 1. Д. 8/81. Л. 178–179], возрастал. Прежде всего, это касалось перебежчиков из Финляндии, причем так в документах зачастую называли всех, кто нелегально переходил советско-финляндскую границу, т. е. и красных финнов, и финских крестьян, спасавшихся от голода, и карельских беженцев, и русских эмигрантов.

В начале 1930-х гг. понятие «финперебежчик» обрело более конкретное значение – так стали называть прежде всего людей, массово, семьями переходивших финляндско-советскую границу на всем ее протяжении, что явилось следствием экономического кризиса в Финляндии. Перебежчики хотели найти работу в России, спасаясь от нужды, а порой и от политических преследований (некоторые заподозренные в симпатиях к коммунистам покидали родину под грубым нажимом лапуасцев). По сведениям финляндских властей, широкая волна самостийных переходов советско-финской границы началась летом 1931 г. и к ноябрю в СССР ушло 1500–2000 человек. В сентябре 1932 г. число эмигрировавших на восток достигло 10 тыс. человек, а в январе 1933 г. газеты писали уже о 12 тыс. тайных перебежчиков [УМА 2]. По оценкам финляндских исследователей, всего в начале 1930-х гг. в СССР эмигрировало из Финляндии 12–15 тыс. человек [Kostiainen 1988: 57–64].

В отечественных документах начало массового наплыва финперебежчиков датируется 1930 г. (см., напр.: [НА РК 1: Оп. 5. Д. 276. Л. 84]). По сведениям Главного управления погранвойск СССР, за 1930–1934 гг. на советско-финляндской границе было задержано 12 950 нарушителей (пик в 1932 – свыше 7 тыс. человек) [Пограничные войска 1972: 8]. Сколько человек благополучно пересекло границу, минуя погранзаставы, остается неизвестным. В любом случае перебежчики сразу же попадали в тюрьмы или карантинные лагеря ОГПУ и после проверки направлялись оттуда на работу в различные регионы Советского Союза или в систему ГУЛАГа.

До 1932 г. перебежчиков старались размещать подальше от границы, вывозя их на Урал, в Сибирь, Казахстан и т. д. Однако у карельского правительства, проводившего политику формирования национальных рабочих кадров и делавшего ставку на привлечение в республику иностранных рабочих, были свои планы относительно эмигрантов из Финляндии. С разрешения Москвы и Ленинградского ОГПУ все большее число перебежчиков, начиная с 1932 г., направляется на работу во внутренние (не пограничные) районы Карелии. Основными местами размещения эмигрантов стали лесные поселки Медвежьегорского и Пудожского районов и известняковые

разработки Заонежья. Все они находились на особом положении: состояли под надзором ГПУ, не имели права самовольно покидать место работы, вместо паспортов были специальные удостоверения перебежчиков, что облегчало работу органов безопасности – в случае побега человеку без паспорта скрыться было негде.

Условия проживания в поселках финперебежчиков были чудовищны: временные бараки, холодные, кишевшие насекомыми; отсутствие самого необходимого – мебели, постельных принадлежностей, посуды, одежды, обуви; безобразное питание, мизерная медицинская помощь, огромная детская смертность (подробнее см.: [Takala 1994; Такала 2002: 54–61]). Естественно, что недовольство и отчаяние людей росли постоянно. Карательные органы внимательно следили за настроениями перебежчиков, скрупулезно фиксируя все, что говорили озлобленные голодом и невзгодами люди. Главным средством борьбы с недовольными были аресты, которые производились на протяжении всех 1930-х гг. Сначала «изымались» наиболее активные, не желавшие смириться со своим рабским положением. После сентября 1935 г., когда в республике была провозглашена «борьба с финским буржуазным национализмом», аресты среди финперебежчиков приобретают массовый характер. Как и в случае с карбеженцами, слово «финперебежчик» в следственных документах становится синонимом словам «контрреволюционер» и «шпион».

Красные финны и североамериканские переселенцы тоже не остались без внимания, под наблюдение компетентных органов попадали и люди, занимавшие достаточно высокие номенклатурные должности, причем фиксировался чуть ли не каждый вздох человека [НА РК 4: Оп. 1. Д. 8/81. Л. 28–29, 178–179; НА РК 8: Оп. 1. Д. 904, 978, 980 и др.]¹⁸. Впоследствии материалы, собранные районными отделениями ГПУ, легли в основу дел против «финских буржуазных националистов». Аресты среди финнов-иммигрантов начинаются уже в 1920-е гг. Например, весной 1925 г. контрразведывательный отдел ГПУ АКССР начал в Ухте «разработку оппозиционной группы финнов-эмигрантов», которая якобы стремилась к объединению с другими «оппозиционерами» [НА РК 4: Оп. 1. Д. 8/81. Л. 178–179]¹⁹. Тем не менее основным контингентом, разрабатываемым органами безопасности по подозрению в контрреволюционной деятельности и шпионаже, вплоть до середины 1930-х гг. оставалось местное

¹⁸ Следует отметить, что с не меньшим интересом за соотечественниками пытались следить и в ведомстве Эско Риекки (начальник финской тайной полиции в 1923–1938 гг.). См., напр.: [КА 1; UMA 3] и др.

¹⁹ Судя по контексту, речь шла о сторонниках Троцкого в КПФ.

коренное население, что свидетельствовало о главном назначении репрессивных акций властей – борьба с недовольными режимом. В качестве «пятой колонны» позиционировалась не финская ирредента, а практически все население республики.

Большой террор и национальные операции в Карелии

Исследователи традиционно выделяют две основные составляющие Большого террора – так называемую «кулацкую» и «национальные» операции. Формально они были разведены специальными приказами и директивами, нацеленными на конкретные категории населения, предписывавшими особый порядок ведения следствия и способы вынесения приговоров. Если изучение так называемой «кулацкой» операции значительно продвинулось за последнее десятилетие, прежде всего за счет введения в научный оборот и анализа материалов региональных архивов, то к национальным операциям исследователи обращаются гораздо реже и, как правило, лишь в общем контексте, при анализе более широких проблем. Несмотря на наличие хороших работ, посвященных главным образом польской и немецкой операциям, в комплексе этот феномен до сих пор не рассматривался.

Число национальных операций с августа 1937 по февраль 1938 г. постоянно расширялось, хотя специальными документами (приказы № 00439, 00485, 00593 и директивы НКВД) четко были определены лишь восемь линий: немецкая, польская, румынская, харбинская, латвийская, греческая, иранская и афганская [ИСГ 1: 267–268, 275–277, 281–283]. Однако параллельно появлявшиеся документы постепенно расширяли эти направления за счет других национальностей. В декабре 1937 г. в состав репрессируемых по «латвийской линии» специальной директивой были включены «перебежчики финны, эстонцы, литовцы и болгары» [ИСГ 1: 285–286; Лубянка 2004: 652 (прим. 62)]. В Директиве НКВД СССР от 1 февраля 1938 г. о продлении операции «по разгрому шпионско-диверсионных контингентов из поляков, латышей, немцев, эстонцев, финн, греков, иранцев, харбинцев, китайцев и румын» было указание провести «аналогичную операцию» в отношении болгар и македонцев [Лубянка 2004: 468–469]. Всего в документах названы представители 17 национальностей, включая первых депортируемых (корейцы, курды). При этом следует иметь в виду, что перечисленными в документах народами аресты не ограничивались, да и национальный состав репрессированных по той или иной линии мог оказаться весьма пестрым.

**Число репрессированных по основным национальным линиям
в 1937–1938 гг.²⁰**

Линия	Осуждено (тыс. чел.)	В том числе к ВМН	
		всего	%
Польская	139,8	111,1	79,4
Немецкая	55,0	41,9	76,2
Харбинская	46,3	31,0	66,9
Латышская	21,3	16,6	77,8
Иранская	13,3	2,0	15,4
Греческая	12,6	10,5	84,0
Финская	11,1	9,1	82,0
Эстонская	9,7	8,0	82,2
Румынская	8,3	5,4	65,6
Афганская	1,6	0,4	23,5
Всего по основным линиям	319,0	236,0	74,0

Центром как основные рассматривались три «линии»: польская, харбинская (харбино-японская) и немецкая, что хорошо прослеживается в итоговых цифрах. В целом по стране репрессированные по национальным приказам составили примерно 40 %.

Если обратиться к конкретным регионам, то распределение национальных линий и численность репрессируемых национальных контингентов будет выглядеть везде по-разному и иначе, чем в целом по Союзу. Например, в Карелии число репрессированных по национальным линиям превышает число арестованных и осужденных по приказу № 00447 (55% и 45%, соответственно), а главной линией оказалась финская, по которой специального приказа не было. По этой линии в республике было арестовано и осуждено 5,6 тыс. человек, или 93,3% от всех репрессированных по национальным приказам (по польской линии – 4,6%, по немецкой – 0,8%, по харбинской – 0,7%). Финны, чья численность в Карелии в середине 1930-х гг. едва превышала 3% населения, составили свыше 41% всех репрессированных (карелы – 27%, русские – 25%). Среди осужденных по национальным приказам доля финнов была еще выше – 74% (карелы – 16%, русские – 3%)²¹.

²⁰ Таблица составлена по данным, приведенным Н. Охотиным и А. Рогинским: [Охотин, Рогинский]. Цифры в разных исследованиях несколько варьируются и, по общему мнению, не являются окончательными, поэтому в таблице округлены до тыс. человек. Но тенденция и степень жестокости той или иной операции в них прослеживаются хорошо.

²¹ Подсчеты произведены по материалам Архива УФСБ по РК, подробные данные (см.: [Такала 1998].

Внешне это могло бы выглядеть как ярко выраженная этническая чистка, однако следует анализировать эти данные, принимая во внимание специфику региона.

Детальное исследование Большого террора в Карелии и региональной специфики массовых операций еще впереди²², хотя именно здесь террор носил наиболее жесткий и кровавый характер, что было обусловлено, прежде всего, пограничным положением республики.

Следует отметить, что об окончательных цифрах репрессированных жителей Карелии во время Большого террора говорить еще рано. Приведенные выше расчеты сделаны по документам архива УФСБ Карелии (обобщающие сводки 1939 г. и первичные материалы к ним). Если обратиться к книге памяти Республики Карелия [Поминальные списки 2002], точнее к ее несколько дополненному варианту в базе данных «Жертвы политического террора в СССР», изданной в 2007 г. обществом «Мемориал» [Жертвы 2007], то цифры за аналогичный период (1.01.37–15.11.38) получатся другими:

Сравнительная таблица данных источников²³

Осуждено 1.01.37– 15.11.38	Источник	Всего	Русские	Карелы	Финны
	Архив УФСБ РК	11 341	2874	3059	4688
	% осужденных	100	25,3	26,9	41,3
	% от населения 1937 г.	2,2	0,9	2,8	33,4
	БД Мемориала (книга памяти РК)	12 989	4636	3123	3006
	% осужденных	100	35,7	24,0	23,1
	% от населения 1937 г.	2,5	1,4	2,8	21,4

²² До сих пор нет научной обобщающей работы по Большому террору в Карелии. В работах общего характера сведения о Большом терроре представлены крайне невятно и фрагментарно, без какого-либо анализа (см., напр.: [История Карелии 2001: 498–502; Органы безопасности 2008: 99–102]). Раздел о Большом терроре в книге Н. Барона [Барон 2011: 322–351] написан в основном по источникам из московских архивов и подчинен основной теме исследования – центральная власть и периферийное сопротивление в рамках «пространственной истории», что не позволяет автору углубиться в конкретику и сужает взгляд на феномен в целом. Единственной непосредственно посвященной теме остается книга И. Чухина [Чухин 1999], основным достоинством которой является публикация сведений из недоступных многим исследователям архивов ФСБ и МВД. Но за прошедшие двадцать лет опубликовано много новых документов, появилась огромная историография о массовых операциях 1937–1938 гг., что существенно корректирует наше сегодняшнее видение Большого террора.

²³ Составлена по: [АУФСБ РК 3; БДК; Всесоюзная перепись 1937 г. 2007].

Разночтения можно объяснить тем, что в издании 2002 г. «Поминальные списки Карелии» есть немало ошибок и опечаток, оставшихся и в базе данных «Мемориала». Кроме того, в целом ряде случаев национальность осужденного не указана, и эти люди в выборку не попадают. Следует учитывать и то, что в республиканской книге памяти в число репрессированных за указанный период вошли заключенные лагерей, или люди, приговоренные не карельскими несудебными органами. В архивных же данных 1939 г. приведена статистика деятельности только карельских «троек» и «двоек». К тому же результаты этой «деятельности» (осужденных карельскими внесудебными органами финнов, например) мы находим в книгах памяти других областей (Ленинградский мартиролог, книга памяти Мурманской области). Отсюда большая разница в общем количестве осужденных и в данных по русским и финнам.

Тем не менее анализ базы данных позволяет выявить карельскую специфику массовых операций Большого террора²⁴.

Если сопоставлять сведения о количестве арестованных и осужденных по Карелии, сохранившиеся в Архиве УФСБ по РК, с данными переписи населения 1937 г., то в ходе массовых операций в республике было репрессировано примерно 2,2 % населения, а по БДК – даже 2,5 %. Это является одним из самых высоких показателей по стране: в среднем по СССР в 1937–1938 гг. было репрессировано 0,8 % населения²⁵. Доля репрессированных карелов в сравнении с населением 1937 г. составила 2,8 %, а доля финнов выглядит совсем беспрецедентной – от 22,4 до 33,4 %, т. е. каждый третий.

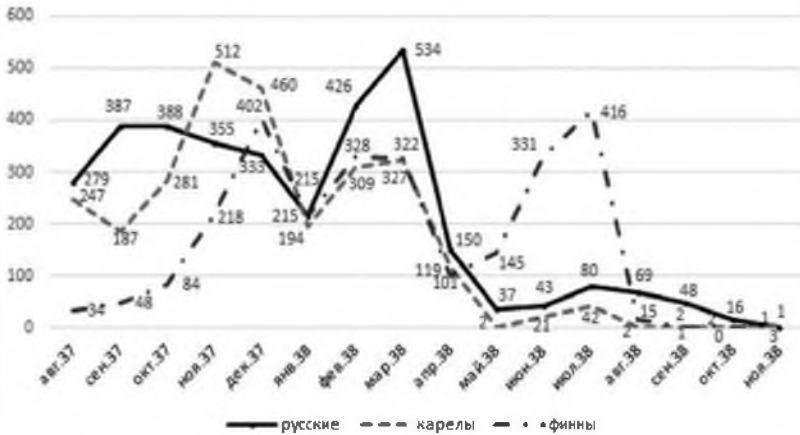
Около 70 % репрессированных карелов было арестовано и осуждено по приказу № 00447. В национальных районах (Олонецком, Петровском, Пряжинском и Ребольском) карелы составляли свыше 80 % арестованных, пики их арестов пришлось на ноябрь – декабрь 1937 и март 1938 г., т. е. на завершающие этапы первой и второй фаз «кулацкой» операции.

Пики арестов финнов – это декабрь 1937, когда латышская операция была распространена на финнов, эстонцев, литовцев, болгар, затем февраль – март и июль 1938 как результат решений Политбюро о продлении национальных операций сначала до 15 апреля, а затем до 1 августа [ТСД 5: 34–35; Лубянка 2004: 538; АУФСБ РК 2: Оп. 1. П. 54. Л. 12–13].

²⁴ Подобный анализ книг памяти жертв политических репрессий по пяти регионам РСФСР (в том числе и Карелии) и по той же базе данных был предпринят Л. А. Лягушкиной в ряде статей и кандидатской диссертации с целью выявления социального портрета репрессированных. См.: [Лягушкина 2014, 2016]. В этой статье мы приводим собственные подсчеты, которые несколько отличаются от данных Лягушкиной.

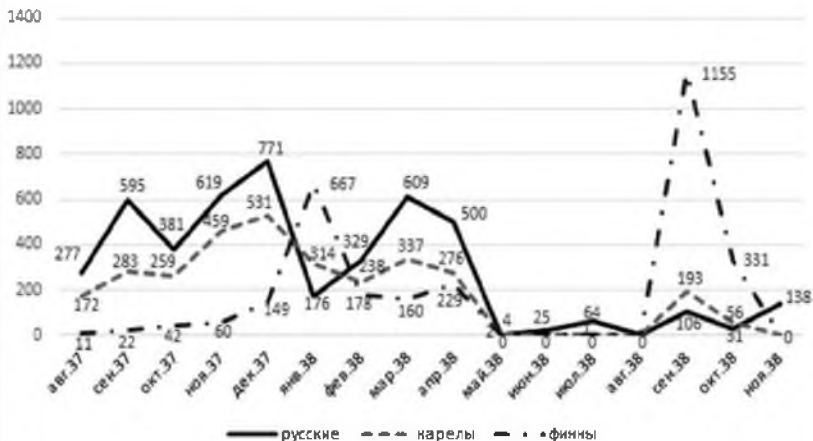
²⁵ Подсчитано по: [Охотин, Рогинский; Всесоюзная перепись 1937 г. 2007: 32].

Аресты

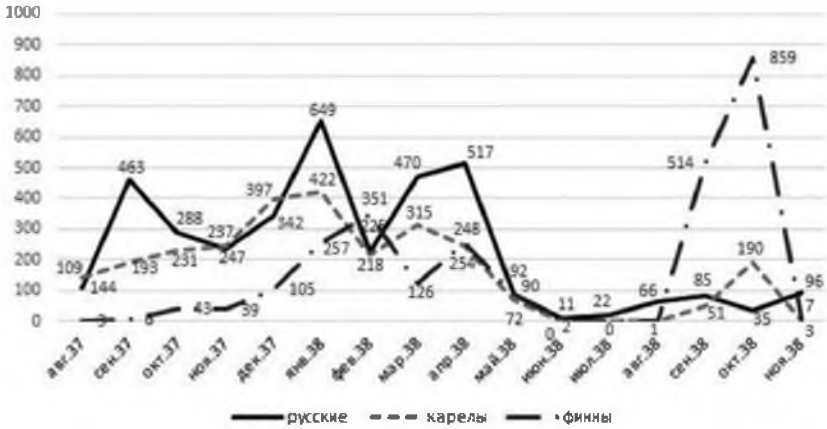
Графики приговоров, в том числе расстрельных, у карелов и русских также свидетельствуют о том, что среди них основные репрессии шли по «кулацкой» линии. Пики приговоров, вынесенных финнам, – это январь, апрель 1938 г. (окончание первого и второго этапов национальных операций) и самый большой – сентябрь 1938 г. как результат деятельности карельской Особой тройки НКВД.

Вынесенные приговоры

Расстрелы

До осени 1938 г. судьбы репрессированных по оперативным приказам НКВД решали внесудебные органы – «тройки» и «двойки».

Тройки как внесудебный карательный орган не были новацией 1937 г. В 1920-е – начале 1930-х гг. они создавались при всех полномочных представительствах ГПУ, хотя специального аппарата не имели, а использовали оперативный состав органов ГПУ и Уголовного розыска. Тройки, созданные на местах летом 1937 г. [Лубянка 2004: 234–235], имели совсем иной состав, утверждаемый Москвой (начальник местного УНКВД – председатель, первый секретарь ЦК/обкома/крайкома партии и прокурор), и самые широкие полномочия, включая право массовых расстрелов. Судьи не видели обвиняемых, сам процесс происходил очень быстро – об этом говорит статистика приговоров. В один день тройка могла осудить 200–500 человек, а были случаи, когда и больше тысячи [Бордюгов, Биннер 2008: 51–52].

Состав карельской тройки неоднократно менялся, так как в ходе расправ судьи нередко превращались в обвиняемых. За полтора года массовых операций в республиканской тройке сменилось четыре секретаря обкома (Никольский, Леонинок, Иванов, Куприянов) и два наркома внутренних дел (Тенисон, Матусенко). Постоянной оставалась лишь фигура прокурора Георгия Михайловича, сумевшего продержаться на своем посту до начала 1939 г.

Польский и харбинский приказы еще больше упростили процедуру принятия решений, впервые введя в практику НКВД «альбомный» поря-

док осуждения, с тем чтобы одним росчерком пера можно было решить судьбу сразу нескольких десятков человек. На каждого арестованного по национальным линиям составлялась короткая справка с предложением о приговоре (расстрел или заключение в лагерь на 5–10 лет), справки комплектовались в специальные списки-альбомы, которые подписывали начальник УНКВД и местный прокурор. Затем альбом направлялся в Москву, где окончательное решение выносила так называемая «двойка», комиссия, состоящая из наркома внутренних дел Н. Ежова и прокурора СССР А. Вышинского. По возвращении альбомов на места приговоры приводились в исполнение.

В Карелии первые списки-альбомы появляются в декабре 1937 г., по первым 9 альбому, составленным с 4 по 30 декабря, прошло 900 человек, 727 из них (80,8%) были приговорены к расстрелу. Существенным образом изменился и национальный состав обвиняемых, 64,2% которых теперь составляли финны. Карельская тройка за декабрь рассмотрела 1007 дел, приговорив к расстрелу 972 человека [Такала 1998: 190; Чухин 1999: 146–147, прил. 9 (подсчеты)].

Последним аккордом массовых операций стали события осени 1938 г. 15 сентября Политбюро принимает постановление об образовании на местах Особых троек для рассмотрения дел на арестованных по национальным приказам. В двухмесячный срок Особые тройки должны были рассмотреть дела в отношении лиц, арестованных до 1 августа 1938 г., приговоры по первой категории предписывалось приводить в исполнение немедленно [Лубянка 2004: 549]. Через день Ежовым был подписан соответствующий приказ НКВД № 00606.

Главным предназначением Особых троек была оперативная физическая ликвидация людей, осужденных в альбомном порядке по национальным операциям, что можно расценить как подготовку к завершению Большого террора. Их персональный состав не требовал утверждения Политбюро, в отличие от троек, созданных по приказу 00447 и уже прекративших свое существование. В Особую тройку входили только первые лица: начальник УНКВД, местный партийный руководитель и прокурор, решения были окончательными и не требовали утверждения в Москве.

Особая тройка при НКВД КАССР в составе наркома С. Матузенко, секретаря обкома Г. Куприянова и прокурора республики Г. Михайловича начала свою работу через три дня после принятия приказа № 00606. 20 сентября она вынесла свое первое решение: 110 человек, все финны, по стандартному обвинению «шпионская работа в пользу Финляндии»

были приговорены к расстрелу [Такала 1998: 199]. Тем же днем помечен еще один протокол заседания тройки – рассмотрено 100 дел (список-альбом № 2), 96 человек приговорено к расстрелу. 21 сентября была решена судьба 499 человек, 485 постановили расстрелять [Чухин 1999: 148, прил. 10]. Всего за неполный месяц было оформлено 32 протокола заседаний Особой тройки (последнее 10 октября) и осуждено 1805 человек, 1708 из них (94,6%) приговорены к расстрелу. Большинство приговоров было приведено в исполнение тогда же: в сентябре – октябре расстреляли 1530 человек, 73 % из них в окрестностях Петрозаводска [Там же: 157, прил. 16 (подсчеты)].

Приведенные данные свидетельствуют о широком масштабе и особой жестокости массовых операций в Карелии. Наиболее наглядно жестокая статистика приговоров карельских внесудебных органов выглядит в сравнении со среднестатистическими данными по стране:

Из общего числа осужденных в 1937–1938 гг.	В среднем по СССР в %	В Карелии в %
Приговорено к расстрелу (всего)	50	89
Доля приговоренных к расстрелу внесудебными органами (всего)	65	90
Тройками	53	80
Двойкой	74	94
Особой тройкой	69	95

Подавляющим большинством репрессированных были мужчины. Женщины составили примерно 4% от всех осужденных в ходе массовых операций в Карелии, что сопоставимо со средними данными по стране. Среди русских этот процент был около трех, среди карелов – около четырех, а доля репрессированных женщин среди финнов доходила до 9%. Однако приговоры в отношении женщин в Карелии были гораздо суровее, чем в целом по стране²⁶. По нашим подсчетам русских женщин приговаривали к ВМН (расстрел) в 63 % случаев, финнок – в 64 %, карелок – в 66 %.

Обращает на себя внимание и большое число молодых карелов, подвергшихся репрессиям, – 20 % в возрасте 21–30 лет (по стране данные колеблются, как правило, в диапазоне 10–15 % [Кодин 2011: 24; Лягушкина

²⁶ Л. Лягушкина приводит следующие данные по изученным ею регионам: в Башкирии женщин приговаривали к ВМН в 5,2 % случаев, в Горьковской области – в 12 %, в Северной Осетии – в 14,4 %, в Алтайском крае – в 27 %. В Карелии этот показатель был 60 %. Русских женщин ВМН ожидала в 49 % случаев, а финнок – в 62 % [Лягушкина 2014: 40].

2014: 39]). Вполне вероятно, что в данном случае речь идет о подростках-карбеженцах.

Если говорить непосредственно о «финской операции», то ее отчет можно начинать уже с осени 1935 г., когда после снятия финского руководства республики, наряду с перебежчиками, главным объектом внимания органов безопасности становятся политэмигранты, в первую очередь активисты КПФ (подробнее см.: [Такала 2002: 54–61, 93–107]). Следственные дела финских коммунистов, представших перед судом в 1935–1936 гг., уже вполне сопоставимы с документами периода Большого террора.

В этой связи стоит обратить внимание и на другие, предваряющие Большой террор, директивы центра. Еще в марте 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О мерах, ограждающих СССР от проникновения шпионских, террористических и диверсионных элементов», согласно которому политэмигранты оказались одними из главных «агентов разведывательных и полицейских органов капиталистических государств». В Циркуляре НКВД СССР «Об иностранцах» (август 1937 г.) названа была уже 21 страна (в том числе и Финляндия), гражданам которых предписывалось прекратить продление видов на жительство [Охотин, Рогинский].

Этот циркуляр объясняет появление в карельских документах таких «национальных» линий, как английская, турецкая, шведская, французская, итальянская и венгерская [АУФСБ РК 3: Д. 169. Т. 1. Л. 5–8]. И в целом документы, появлявшиеся параллельно с так называемыми «национальными» приказами и директивами, со всей очевидностью свидетельствуют, что расширение репрессируемых контингентов происходило не столько по этническому, сколько по политическому, в том числе внешнеполитическому, принципу. Об этом же свидетельствуют и приговоры, вынесенные осужденным по национальным линиям, в которых преобладают обвинения в шпионаже и повстанческой контрреволюционной деятельности.

Этнизацию террора, точнее создание впечатления об усилении репрессий по национальному принципу, можно приписать скорее деятельности местных властей, старавшихся истово выполнять указания центра. В Карелии самые кровавые события разворачивались в 1938 г.: за февраль – август число репрессированных финнов увеличилось в 3,3 раза по сравнению с 1937 г.

С конца января, в связи с директивой о продлении массовых операций, из Петрозаводска в районы идут многочисленные распоряжения об активизации работы «по разгрому шпионско-диверсионных контингентов». Поначалу это вызвало серьезное замешательство у начальников районных

отделов и Погранотрядов. Из районов следовали просьбы о разъяснении ситуации – кого арестовывать, кого нет – и жалобы на то, что «нет материала на выход» [АУФСБ РК 2: Оп. 1. П. 53. Л. 2, 10–13, 19, 73–82]. Разъяснения нового руководителя Карельского НКВД С. Матузенко по поводу «окончательного разгрома работы иноразведок среди финской колонии» и его указания – арестовывать практически всех финнов [АУФСБ РК 2: Оп. 1. П. 53. Л. 26–34] – быстро навели порядок.

По мере развития операции органы безопасности на местах входили во вкус и становились все активнее. И если в феврале Петрозаводск подгонял РО, то в марте – начале апреля из районов уже лавиной идут списки финнов, подлежащих аресту, с просьбой о санкциях, которые следовали незамедлительно, иногда даже по телефону²⁷. При этом список мог сопровождаться запиской такого содержания: «Прошу дать санкцию на арест 9 финперебежчиков, особоучетников НКВД, проживающих в Матросах. Показаний на вышеуказанных финнов у нас нет, но народ очень интересный. Их нужно немедленно изолировать» [АУФСБ РК 2: Оп. 1. П. 52. Л. 135].

Не забывали следователи и о других национальных линиях, в Кондопоге, например, была вскрыта «турецкая шпионская организация»: три работника артели «Дружба Турции» после недолгой обработки признались, что являются агентами турецкой разведки [АУФСБ РК 2: Оп. 1. П. 42; Л. 199–201]. Всего по данным УНКВД на территории Карелии шпионскую работу вели иностранные разведки 10 государств – Японии, Германии, Англии, Франции, Польши, Латвии, Эстонии, Турции, Норвегии и, конечно же, Финляндии [АУФСБ РК 4: Оп. 1. П. 82. Л. 17]. В целом осужденные за шпионаж составляли в Карелии примерно 35% от всех репрессированных, что в два раза превышало среднестатистический показатель по стране²⁸.

Следует упомянуть еще об одной операции, которую пытались инициировать, но не успели реализовать карельские власти.

Перед самым завершением Большого террора нарком С. Матузенко и первый секретарь обкома ВКП(б) Г. Куприянов начали разворачивать

---

²⁷ Например, врид начальника Калевальского РО сержант Мартынов, еще недавно жаловавшийся на «отсутствие материала», 2 апреля писал начальнику 3 отдела Антонову следующее: «Просим в связи с ограниченным сроком до окончания следствия аресты санкционировать телеграфно, чтобы успеть до 15 апреля „обработать“ дела...» [АУФСБ РК 2: Оп. 1. П. 52. Л. 263].

²⁸ Если анализировать данные, приведенные в книге О. Мозохина, то в среднем по СССР доля осужденных за шпионаж среди репрессированных в 1937–1938 гг. составила около 17% (подсчитано по: [Мозохин 2006: 333, 336, 338, 340].

борьбу с «карельским буржуазным национализмом» (см.: [Такала 1993: 127]. Связано это было очевидно с тем, что «финская линия» была уже практически отработана, а руководство республики, не уловив сигналов из Москвы о переходе к завершающему этапу массовых репрессий, продолжало проявлять активность и выказывать рвение в борьбе с «врагами народа». Примером для Куприянова послужило активно разрабатываемое с февраля 1938 г. чекистами Калининской области так называемое «Карельское дело» (см.: [Карельское «дело» 1991]), по материалам которого проходил и второй секретарь обкома, калининский карел Дмитрий Смирнов [НА РК 1: Оп. 5. Д. 86. Л. 92–96]. В качестве повода для начала новой операции очень подходила ситуация с развитием карельской письменности (об этом подробнее: [Анттикоски 1998]). Руководителями обнаруженной в республике «карельской националистической шпионской организации» были объявлены секретарь обкома Смирнов, председатель терминологической комиссии по развитию карельской лексики, нарком просвещения Владимир Филимонов, ответственный редактор газеты «Советской Карелии» Петр Савельев и научный сотрудник Карельского научно-исследовательского института Матти Хямяляйнен [Белоусов 2014б]. Правила карельского литературного языка и их создатели были объявлены виновниками хаоса, возникшего в республиканском образовании в результате ликвидации финского языка и ускоренного введения новой письменности. Развернуть антикарельскую кампанию на полную мощь они не успели – Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» Большой террор был остановлен [Лубянка 2004: 607–611].

В целом анализ архивных документов показывает, что решающими факторами для включения потенциальной жертвы в списки «национальных» операций была та или иная связь человека с границей, а не его этническая принадлежность. В Петрозаводске, например, где число репрессированных было самым большим по республике, финны-иммигранты составили 51 % всех жертв массовых операций при доле в 7 % от населения города. Примечательно и то, что из числа репрессированных в столице Карелии уроженцы республики составляли лишь 20 %. В приграничных же национальных районах главными жертвами стали карелы²⁹, что объясняется не только однородностью их национального состава, но и давними (экономическими и родственными) связями местного населения с Финляндией.

---

²⁹ За исключением Калевальского района, где доля репрессированных финнов составила 57 %.

Выводы о несостоятельности тезиса об этнизации террора мы находим и в других исследованиях. Авторы работы по национальным операциям в Грузии подчеркивают, что там решающим фактором для репрессий по национальным линиям был не этнический фактор, а связи с зарубежьем, «антисоветское» поведение и «подозрительный» социальный статус репресслируемого (см.: [Большевистский порядок 2015]). Собственно, это определялось самими «национальными» приказами, среди которых был и «харбинский». Действия НКВД по этой линии уж никак нельзя считать этнической чисткой.

Представляется, что национальные операции Большого террора следует рассматривать в общем контексте массовых репрессий как один из элементов «политики населения» и новых техник государственной интервенции (по определению Питера Холквиста). Насилие государства в 1930-е гг. было радикальным расширением и распространением ранее существовавших стремлений большевиков вылепить своё население, отсекая либо ликвидируя «вредоносные элементы», стоящие на пути построения социалистического общества [Холквист 2011: 166–167].

Острые национальных операций было направлено на те категории людей, чье истинное или мнимое инакомыслие было порождено знакомством с другими системами организации общества. Новое советское поколение, выросшее после революции, не должно было знать об этой другой жизни, чтобы ему не с чем было сравнивать окружающую их действительность. Недаром главными жертвами национальных линий стали политэмигранты, перебежчики и иностранные специалисты. Они видели жизнь других стран и во многом успели разочароваться в социалистической идее. Региональные различия при проведении национальных операций были достаточно велики – в приграничных регионах по очевидным причинам они оказались жестче, чем во внутренних районах страны. И потому эффект от них оказался сильнее. В Карелии, где физически были уничтожены тысячи финнов, причем мужчины из числа перебежчиков и политэмигрантов едва ли не поголовно, запугать уцелевших в этой бойне удалось настолько, что они замолчали на пятьдесят лет (см.: [Golubev, Takala 2014: 142–155, 171–173]).

Источники

- АКССР 1925 – АКССР. Статистический обзор 1923–24. Петрозаводск, 1925.
АУФСБ РК 1 – Архив УФСБ по РК. Дело № П-18456. Т. 17.
АУФСБ РК 2 – Архив УФСБ по РК. Ф. СДП, п/ф. КРО.
АУФСБ РК 3 – Архив УФСБ по РК. Ф. КРО.

- АУФСБ РК 4 – Архив УФСБ по РК. Ф. СДП, п/ф. Секретариат.
- БДК – Книга памяти Республики Карелия по базе данных «Жертвы политического террора в СССР» [Электронный ресурс]. 4-е изд. М.: Звенья, 2007.
- Всекарельский съезд 1990 – Всекарельский съезд представителей трудящихся карел. Первый всекарельский съезд советов. Протоколы. Петрозаводск, 1990.
- Всесоюзная перепись 1937 г. – Всесоюзная перепись 1937 г.: Общие итоги. Сборник документов и материалов. М.: РОССПЭН, 2007.
- Жертвы 2007 – Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. 4-е изд. М.: Звенья, 2007. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- Из истории раскулачивания 1991 – Из истории раскулачивания в Карелии, 1930–1931 гг.: Документы и материалы. Петрозаводск, 1991.
- ИОГС 1 – Известия Олонецкого Губернского Совета. 1918.
- ИСГ 1 – История Сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Собрание документов в семи томах. Т. 1: Массовые репрессии в СССР. М., 2004.
- К 1 – Коммуна. 1921.
- КК 1 – Карельская коммуна. 1922.
- Карелия в период 1964 – Карелия в период гражданской войны и иностранной интервенции. 1918–1920. Сборник документов и материалов / Под ред. Я. А. Балагурова и др. Петрозаводск, 1964.
- Лубянка 2004 – Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М.: МФД, 2004.
- НА РК 1 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. П-3.
- НА РК 2 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. Р-202.
- НА РК 3 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. П-11.
- НА РК 4 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. Р-689.
- НА РК 5 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. П-35.
- НА РК 6 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. П-12.
- НА РК 7 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. Р-690.
- НА РК 8 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. П-16.
- Неизвестная Карелия 1997 – Неизвестная Карелия: Документы спецорганов о жизни республики. 1921–1940 гг. Петрозаводск, 1997.
- ОК 1 – Олонецкая Коммуна. 1919.
- ОК 2 – Олонецкая Коммуна. 1920.
- Перепись 1935 – Перепись населения АКССР 1933 г. Вып. III. Петрозаводск, 1935.
- Поминальные списки 2002 – Поминальные списки Карелии, 1937–1938: Уничтоженная Карелия. Ч. 2. Большой террор. Петрозаводск, 2002.
- СЗ СССР 1924 – Собрание законов СССР. 1924.
- СЗ СССР 1925 – Собрание законов СССР. 1925.
- Советская деревня 2000 – Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. Т. 2. 1923–1929. М.: РОССПЭН, 2000.

- СУ РСФСР 1921 – Собрание узаконений РСФСР. 1921.
СУ РСФСР 1922 – Собрание узаконений РСФСР. 1922.
СУ РСФСР 1923 – Собрание узаконений РСФСР. 1923.
СУ РСФСР 1924 – Собрание узаконений РСФСР. 1924.
ТСД 2 – Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5-ти т. Т. 2: 1923–1929. М.: РОССПЭН, 2000.
ТСД 3 – Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 3. Кн. 1: 1930–1931. М.: РОССПЭН, 2003.
ТСД 4 – Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 4: 1935–1939. М.: РОССПЭН, 2004.
ТСД 5 – Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 5. Кн. 2: 1938–1939 гг. М.: РОССПЭН, 2006.
КА 1 – КА. ЕК-Valpo 1. 22, 27–30;
UMA 1 – Ulkoasiainministeriön arkisto (Helsinki). Ryhmä 11. F. 4a. Heimojärjestöjen Keskusvaliokunnan anomus koskien Karjalan ja Inkerin asioita; 4b. Heimojärjestöjen Keskusvaliokunta 1930–1932; 4c. Heimojärjestöjen Keskusvaliokunta – apuraha-anomus 1933.
UMA 2 – UMA. 22 K Neuvostoliittoon salatein menneet suomalaiset.
UMA 3 – UMA. 34, 100: 89.

Литература

- 10 лет Советской Карелии.* Петрозаводск, 1930.
Анттикоски Э. Стратегия карельского языкового планирования в 1920-е и 1930-е годы // В семье единой: национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 214–218.
Баберовски Й. Сталинизм и нация: Советский Союз как многонациональное государство 1917–53 // Ab Imperio. 2006. № 1. С. 177–196.
Баберовски Й. Красный террор: История сталинизма. М.: РОСПЭН, 2007.
Барон Н. Власть и пространство. Автономная Карелия в Советском государстве, 1920–1939. М.: РОССПЭН, 2011.
Белоусов К. Ф. «Заговор финского генштаба» как полигонное испытание при переходе к «массовым операциям» // Политическая история России: Прошлое и современность. Исторические чтения. Выпуск XII. «Гороховая, 2». СПб., 2014а. С. 106–116.
Белоусов К. Ф. Лингвист ≠ Фашист или дело о несостоявшемся процессе // Север. 2014б. № 1–2. С. 178–185.
Белоусов К. Ф. Заговор финского генштаба – полигонное испытание при переходе к массовым операциям // Север. 2016. № 1–2. С. 236–239.
Болтунов М. Дипломаты в погонах. М.: Кучково поле, 2011.
Большевистский порядок в Грузии. В 2-х т. Т. 1: Большой террор в маленькой кавказской республике / Сост. М. Юнге, Б. Бонвеч. М.: АИРО-XXI, 2015. С. 169–207.

Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М., 2008.

Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.

Былинин В. К., Зданович А. А., Коротаев В. И., Седунов А. В., Тотров Ю. Х. Иностранцы разведки в Прибалтике и их взаимодействие со спецслужбами лиминотрофных государств, направленные против СССР: 1918–1941 гг. // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 4. М., 2008.

Горбунов Е. Основательная встряска военной разведки. С цепью крупнейших провалов советской агентуры разбирался сам Сталин // Независимое военное обозрение. 2007. 20 апреля. С. 7.

Гусев К. В. К истории Карельского мятежа (по материалам Комиссии по реабилитации при президенте РФ) // Отечественная история. 1996. № 6. С. 71–83.

Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М.: Наука, 2005.

Иванович П. Финляндские шпионы. Дело Пауку и др. в Военном трибунале Ленинградского военного округа // Суд идет. 1928. № 4. С. 194–197.

История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001.

Карельское «дело». Дело о так называемой «Карельской буржуазно-националистической, террористической, контрреволюционной организации». Тверь: Упрполиграфиздат, 1991.

Килин Ю. М. Карелия в политике Советского государства, 1920–1941 гг. Петрозаводск: ПетрГУ, 1999.

Кодин Е. В. Большой террор на Смоленщине: национальные операции, 1937–1938 годы // Известия Смоленского гос. ун-та. 2010. № 4. С. 301–329.

Кодин Е. В. Репрессированная российская провинция. Смоленщина. 1917–1953. М.: РОССПЭН, 2011.

Колтакиди А. И., Прохоров Д. П. Империя ГРУ. Кн. 1. М.: Олма-Пресс, 2000.

Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Финская разведка против Советской России. Петрозаводск: Риф, 2004.

Левкоев А. А. «Правильная политика». Крестьянский фон политики финляндского коммунистического руководства Советской Карелии в 1920-е гг. // Национальная государственность финно-угорских народов северо-западной России (1917–1940). Сыктывкар, 1996. С. 23–28.

Лурые В. М., Кочик В. Я. ГРУ: дела и люди. СПб.: Издательский дом «Нева», 2003.

Лягушкина Л. А. Социальные характеристики репрессированных в годы Большого террора (1937–1938 гг.) в Карельской АССР // Вестник Пермского ун-та, сер. «История». 2014. № 3. С. 36–44.

Лягушкина Л. А. Социальный портрет репрессированных в РСФСР в ходе Большого террора (1937–1938 гг.): сравнительный анализ баз данных по региональным «Книгам памяти» [Дис. ... канд. истор. наук]. М., 2016.

Мартин Т. Империя положительной деятельности. Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011а.

Мартин Т. Империя положительной деятельности: Советский Союз как высшая форма империализма // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / Под ред. Р. Г. Суни, Т. Мартина. М.: РОССПЭН, 2011б. С. 88–116.

Мелия А. А. Мобилизационная подготовка народного хозяйства СССР. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004.

Мозохин О. Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). Жуковский, М.: Кучково поле, 2006.

Невалайнен П. Изгой: Российские беженцы в Финляндии (1917–1939). СПб.: Журнал «Нева», 2003.

Никитина О. А. Коллективизация и раскулачивание в Карелии (1929–1932 годы). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1997.

Органы безопасности Карелии. Петрозаводск: Скандинавия, 2008.

Осипов А. Ю. Финляндия и гражданская война в Карелии. [Дис. ... канд. ист. тор. наук]. Петрозаводск, 2006.

Осипов А. Ю. Карельская Освободительная Армия: между Финляндией и советской Россией // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. Вып. 1 / Ред. О. П. Илюха, И. И. Муллонен. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2008. С. 45–52.

Охотин Н. Г., Рогинский А. Б. «Большой террор»: 1937–1938. Краткая хроника [Электронный ресурс]. URL: http://old.memo.ru/history/y/1937/hronika1936_1939/hronika.html (25.10.2018).

Очерки истории Карелии. Т. 2. Петрозаводск: Кариздат, 1964.

Пограничные войска СССР. 1929–1938. М., 1972.

Покровская И. П. Население Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1978.

Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: Мемориал, ОГИ, 2001.

Прудникова Е. А., Горчаков О. А., Попов А. Ю., Цветков А. И., Паноров Ю. Н. Легенды ГРУ. СПб.: Издательский дом «Нева», 2005.

Репухова О. Дело о контрреволюционном заговоре в Карелии в 1932–1933 гг. («Заговор финского генштаба») // Корни травы: Сборник статей молодых историков. М., 1996. С. 35–44.

Савин А. И. Этнизация сталинизма? «Национальные» и «кулацкая» операции НКВД: сравнительный аспект // Россия XXI. 2012. № 3. С. 40–61.

Снайдер Т. Кровавые земли: Европа между Гитлером и Сталиным. Киев: Дуліби, 2015.

Соломеч И. Торговля и культура // De Urbe Uloa 2008: Barentsin alueen tulevaisuuskonferenssi 25–26.11.2008. Suomen Kotiseutuliiton julkaisu A: 22. Oulu, 2009. S. 34–42.

СС 1 – «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т. 1. Ч. 2. М.: ИРИ РАН, 2001.

СС 6 – «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т. 6. М.: ИРИ РАН, 2002.

Сталинские депортации. 1928–1953 / Под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева; Сост. Н. Л. Поболь, П. М. Полян. М.: МФД Материк, 2005.

Суни Р. Г. Советское и национальное: единство противоречий // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: Материалы VI междунар. науч. конф. Киев, 10–12 октября 2013 г. М.: РОССПЭН, 2014. С. 17–40.

Сэнборн Дж. Семья, братство и национальное строительство в России 1905–1925 гг. // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М.: РОССПЭН, 2011. С. 117–134.

Такала И. Р. Репрессивная политика в отношении финнов в Советской Карелии 30-х годов // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск: ПетрГУ, 1993. С. 111–128.

Такала И. Репрессивная политика в отношении финнов в Советской Карелии 30-х годов // *Studia Slavica Finlandensia*. Helsinki, 1994. Т. XI. С. 141–166.

Такала И. Р. Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии // В семье единой. Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе в 1920–1950-е годы. Петрозаводск: ПетрГУ, 1998. С. 186–206.

Такала И. Р. Финны в Карелии и в России: История возникновения и гибели диаспоры. СПб.: Журнал «Нева», 2002.

Такала И. Р. Финны советской Карелии и их вклад в развитие республики (1920-е – первая половина 1930-х годов) // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века. Гуманитарные исследования. Вып. 3. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. С. 107–148.

Такала И. Р. Финский язык в России: история и судьба. Лекция. Петрозаводск: ПетрГУ, 2010.

Такала И. Финны-иммигранты в России XX в. // Русский Сборник: исследования по истории России. Т. XVII: Финляндия и Россия. М.: Модест Колеров, 2015. С. 272–311.

Тумиис М., Папчинский А. 1937. Большая чистка. НКВД против ЧК. М.: Яуза; Эксмо, 2009.

Холквист П. Вычислить, изъять и истребить: Статистика и политика населения в последние годы царской империи и в Советской России // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М.: РОССПЭН, 2011. С. 139–179.

Чухин И. Канало-армейцы. Петрозаводск: Карелия, 1990.

Чухин И. И. Карелия-37: идеология и практика террора. Петрозаводск: ПетрГУ, 1999.

Anssi P. Territories, Boundaries and Consciousness: The Changing Geographies of Finnish-Russian Border. Chichester et al., 1996.

Brubaker R. Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

Churchill S. Itä-Karjalan kohtalo. 1917–1922. Porvoo, 1970.

Elfvengren E., Laidinen E. Vakoilua itärajan takana – yleisesikunnan tiedustelu Neuvosto-Karjalassa 1918–1939. Helsinki: Minerva, 2012.

Golubev A., Takala I. The Search for a Socialist El Dorado: Finnish Immigration to Soviet Karelia from the United States and Canada in the 1930s. East Lansing, MI: Michigan State University Press, 2014.

Kosonen M. Raja railona aukea, tiedustela Neuvosto-Karjala 1920–1930-luvulla. Joensuu: Joensuu Yliopistopaino, 2001.

Kostiainen A. Loikkarit. Keuruu, 1988.

Naimark N. M. Stalin's Genocides. Princeton: Princeton University Press, 2010.

Nygård T. Itä-Karjalan pakolaiset 1917–1922. Jyväskylä, 1980.

Oksanen A. Lapuan liike Suomen ulkopoliitiikan ongelmana 1930. Helsinki: Helsingin yliopisto, 1994.

Rislakki J. Maan alla. Porvoo, 1986.

Sanborn J. The Mobilization of 1914 and the Question of the Russian Nation: A Reexamination // *Slavic Review*. 2000. 59. N. 2. P. 267–289.

Slezkine Y. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // *Slavic Review*. 1994. 53. N 2. P. 414–452.

Stubbergaard Y. Stat, kris och demokrati: Lapporörelsens inflytande i Finland 1929–1932. Lund: Arkiv, 1996.

Suny R. G. Ambiguous Categories: States, Empires and Nations // *Post-Soviet Affairs*. 1995. 11. N 2. P. 185–196.

Takala I. Loikkareiden kohtalo Neuvosto-Karjalassa asiakirjojen kuvaamana // *Kahden Karjalan välillä. Kahden Riikin riitamaalla*. Joensuu, 1994. S. 173–180.

Turvallisuuspoliisi 75 vuotta. Helsinki Paineakeskus Oy, 1994.

Vahtola J. «Suomi suureksi – Viena vapaaksi». Valkoisen Suomen pyrkimykset Itä-Karjalan valtaamiseksi vuonna 1918. Rovaniemi, 1988.

Сведения об авторе. Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник МНОЦ NORDICA, ИЯЛИ КарНЦ РАН; доцент Института истории, политических и социальных наук, ПетрГУ.